

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ВЫСШАЯ
ЛИГА ДЕТЕКТИВА

ЭТО ИСТОРИЯ ПОДЛИННОГО УБИЙСТВА,
НО ОБ ЭТОМ
НЕ ПРИНЯТО ГОВОРИТЬ...

МОСТ
ДЬЯВОЛА



Лорет Энн Уайт

Мост Дьявола

Серия «Высшая лига детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65904125
Лорет Энн Уайт Мост Дьявола:
ISBN 978-5-04-156537-4

Аннотация

В небольшом городе в Британской Колумбии с особой жестокостью убивают девочку-подростка. Одноклассники утверждают, что ничего не знают, родители молчат. Обвиняемым становится один из учителей, но в деле уйма несостыковок.

Проходят годы. Тринити и Джо — создатели подкаста об истории преступлений — берутся за это дело и сталкиваются с тревожными деталями. Им приходится столкнуться с враждебностью целого города и переосмыслить собственные поступки, потому что порой правда — гораздо сложнее и страшнее, чем самые жуткие теории.

Содержание

На мосту Дьявола	7
Тринити	13
Рэйчел	24
Рэйчел	33
Рэйчел	42
Тринити	49
Рэйчел	63
Рэйчел	69
Рэйчел	81
Тринити	84
Рэйчел	90
Рэйчел	101
Тринити	111
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Лорет Энн Уайт Мост Дьявола

Loreth Anne White

BENEATH DEVIL'S BRIDGE

Copyright © 2021 by Cheakamus House Publishing

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in
collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Кирилла Савельева

Художественное оформление Сергея Власова

© Савельев К., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2021

* * *

ВЫСШАЯ
ЛИГА ДЕТЕКТИВА



Искателям истины

Хотя эта книга основана на истории подлинного преступления, произошедшего двадцать четыре года назад, – истории, которая потрясла местную общественность и удостоилась внимания национальных и международных средств массовой информации, – она является плодом воображения, и все персонажи абсолютно вымышлены. Места и обстоятельства тоже имеют вымышленный характер.

На мосту Дьявола

«Мы проводим большую часть жизни, страшаясь нашей собственной Тени. Он сказал мне об этом. Он сказал, что Тень обитает глубоко внутри каждого из нас. Иногда, быстро покосившись вбок, мы можем уловить ее очертания. Но это пугает нас, и мы поспешно отворачиваемся. Мы не способны изучать то, что на самом деле составляет нашу первоизданную сущность. И эта наша неспособность питает Тень. Она придает Тени ее силу. Она заставляет нас лгать – о том, чего мы хотим, о том, кто мы такие. Она воспламеняет наши страсти, будит самые темные желания. И чем могущественнее она становится, тем больше мы боимся ее и тем отчаяннее мы боремся, чтобы скрыть это чудовище внутри нас...»

Не знаю, почему Он рассказывает мне все эти вещи. Возможно, это способ косвенно обратиться к его собственной Тени и вывести ее на свет. Но я правда считаю, что наши Тени плохие – его и моя. Большие, темные и очень опасные. Не думаю, что наши Тени нужно когда-либо выпускать наружу...»
Из дневника Лиины Раи

02.04. Суббота, 15 ноября 1997 года

Лиина Раи спотыкается на старом деревянном мосту ря-

дом со складом для сортировки лесоматериалов. Ночь ясна, холодна и зловеще тиха. Она слышит шелест ветра в кронах ближайших елей, и тихий плеск воды на валунах под мостом, и отдаленный, вездесущий грохот двойного водопада, который низвергается с двойного утеса Чиф-Маунтин с высоты более тысячи футов.

Она ежится и плотнее запахивает шарф на шее. Движение шатает ее в сторону; она хватается за перила моста и смеется. Эта реакция вызвана ядовитой смесью тревоги и волнующим предчувствием риска. В основном из-за приятного, уютно притупляющего чувства воздействия водки из почти пустой бутылки «Смирновки» в кармане не по размеру большой военной куртки с распродажи с армейского склада, которую она носит. Это не ее, а его куртка. От нее пахнет им. Деревом, сосновой смолой, слабым остатком лосьона после бритья. К этому примешивается глинистый привкус мха и почвы на лесном ложе, куда ее бросили на спину еще совсем недавно. Лиина гонит от себя это нежеланное воспоминание, эту боль. Она ждет неба, полнолуния, Млечного Пути. Верхушки деревьев прекращают свое вращение, и когда движение замедляется, она делает глубокий, успокаивающий вдох. Воздух пахнет осенью.

Лиина продолжает свой путь по мосту Дьявола. Она видит черную воду дальнего пролива и редкие огоньки целлюлозной фабрики, мерцающие над водой. Ее дыхание призрачными облачками вылетает изо рта. Пока она приближается

к южной оконечности моста, нервное напряжение нарастает. Она останавливается, запускает руку в карман, отвинчивает колпачок водочной бутылки, запрокидывает голову и глотает. Она шатается; немного водки вытекает у нее изо рта и капает с подбородка. Она снова смеется, вытирает рот ладонью и убирает бутылку в глубокий карман. Теперь она что-то замечает: тень, слабый шум. Она вглядывается в полутьму, изучая тени перед собой. Моргает от внезапной вспышки фар, которая тут же исчезает. Мимо проносится грузовик, обдавая ее жарким вихрем выхлопных газов. Она вдруг теряет чувство ориентации. В какую сторону идти?

Сосредоточься.

Она не могла все испортить. Только не это особое предложение о встрече у южной оконечности моста, куда подростки часто приходили покурить, выпить и поразвлечься. Она продолжает брести вперед. Свет очередного проезжающего автомобиля слепит ей глаза. Лиина спотыкается и соскакивает с тротуара на дорогу. Автомобиль виляет в сторону, чтобы объехать ее, и пронзительно гудит. Ее сердцебиение учащается.

Она щурится и снова смотрит в темноту на дальнем конце моста.

Только не напортачь. Ты так ждала этого.

Лиина плотнее запахивает куртку, как будто это может придать ей стойкости. Куртка слишком велика даже для нее, но потому и нравится ей. В ней она чувствует себя совсем

маленькой, и это приятно. Теплота похожа на объятие. Лиину редко обнимали; в сущности, она не может припомнить, когда кто-то последний раз обнимал ее. Вот ее младший брат получает множество объятий. Он такой милый. Очень просто любить Ганеша. С другой стороны, она получает хмурые и косые взгляды. Предупреждения. Люди называют ее тупой. Или недостаточно умной, либо вполне сносной, но просто некрасивой, толстой, неуклюжей, громоздкой, неповоротливой. От нее сплошная морока в собственном доме. И в школе. Иногда ей хочется научиться выходить из своего тела. И уж точно она не может дождаться, когда уберется из Твин-Фоллс.

Но сейчас Лиина заперта в этом проклятом городе. В физическом теле, которое отталкивает встречных людей. Они не видят, что у нее внутри и как глубоко она чувствует вещи. Как она любит сочинять: прозу, стихи, все остальное. Но *он* знает. Он называет ее слова прекрасными. Он *видит* ее. Когда она рядом с ним, то иногда кажется, что весь мир может измениться, если она заставит себя продержаться еще год-другой. А потом она *обязательно* уедет отсюда. Очень далеко. За океан – может быть, в Африку. Она будет работать в экзотических местах и заниматься полезным делами для людей. Она будет писать о своих приключениях. Возможно, для газет. Она станет другим человеком. Когда она слишком долго находится вдали от него, эти мечты расплываются и угасают. Все снова становится черным, и ей просто хочется

оказать всем услугу своей смертью. Но когда она приходит к нему и он говорит что-нибудь хорошее о ее стихах, ее сердце трепещет, и она ощущает, как первозданные крылья раскрываются в жаркой темноте ее души. *El Duende*. По его словам, Федерико Гарсия Лорка так называл это. Это творческий дух, и он говорит, что этот дух погребен глубоко внутри нее.

Лиина достигает края моста и начинает спускаться по крутой гравийной тропе, которая изгибается в стороны и уходит под мост Дьявола.

Наверху с ревом проносится автомобиль. Фары высвечивают силуэты деревьев. Потом снова наступает темнота. Мертвая тишина. Лиина снова теряет чувство направления и слышит тихий шепоток страха. Она движется осторожно, нащупывая подошвами темную тропу. Какая-то отдаленная часть мозга подает сигнал тревоги. Слишком тихо, слишком темно. Что-то не так.

Но водка придает ей сил для спуска по тропе. К камням, к воде. Во тьме под мостом неожиданно вспыхивает оранжевая точка. Она видит смутный силуэт, потом он пропадает. До нее доносится запах сигаретного дыма.

– Эй! – восклицает она в темноту.

– Иди сюда, Лиина.

Голос звучит у нее за спиной. Она оборачивается.

Удар обрушивается очень быстро. Что-то врезается ей в скулу. Она отшатывается вбок, спотыкается и падает на чет-

вереньки. Острые кусочки гравия впиваются ей в ладони. Мир начинает вращаться. Она растеряна. Во рту появляется привкус крови. Она хочет вздохнуть, но следующий удар приходится в заднюю часть шеи. Она ничком падает на землю. Камни рассекают ей щеку, грязь забивается в рот. Еще один мощный удар, словно деревянным молотком, обрушивается между лопаток.

Лиина не может дышать. Ее охватывает паника. Она поднимает руку, чтобы прекратить это, но последний пинок, который она чувствует, нацелен ей в голову.

Тринити

Наше время

«Я даже не знаю, когда это началось: задолго до той холодной ноябрьской ночи, когда русский спутник вошел в пределы земной атмосферы. Когда это случилось, никто из нас не мог этого предотвратить. Словно поезд, несущийся по рельсам издалека, это неотвратно надвигалось на нас».

Из подкаста о настоящих преступлениях «Это преступление: убийство Лиины Раи под мостом Дьявола».

Среда, 17 ноября. Наши дни

Я смотрю на зеленый трактор, ползущий вдалеке вдоль ряда тополей. Деревья лишены листвы, и призрачный туман сочится над долиной. Три чайки с криками кружат над трактором, ныряя вниз и подхватывая все съедобное, что выносятся на поверхность зубьями бороны. Окрестные вершины скрыты за тяжело нависшими облаками. Начинается моросящий дождь.

– Я думал, что морским чайкам положено оставаться у моря, – говорит Джо Росси.

Помощник режиссера прячет руки глубоко в карманах широкого черного плаща. Полы плаща хлопают на ветру. Вокруг холодно, сыро и холодно. Такой промозглый холод заползает в кости и часами не хочет выходить оттуда.

– Чайки теперь летают повсюду, – рассеянно отвечаю я, поскольку мое внимание сосредоточено на женщине, управляющей трактором. Возле нее сидит черно-белый бордер-коли. Это Рэйчел Уолкзек – бывший детектив и сторонница агрокультуры с использованием только органических удобрений. Все говорят, что она живет отшельницей. Я смотрю на пласты черной и сырой земли за ее трактором.

– Это падальщики, – тихо говорю я. – Мастера выживания. Чайки адаптируются к людям и рассматривают их как источник пищи. Как и местные медведи. Как и еноты в городских условиях. Кроме того... – я бросаю взгляд на Джо, – ...мы все еще очень близко к океану.

Ферма Рэйчел под названием «Зеленые Акры» расположена в глубине долины между крутыми горными склонами, изрезанными ледниками и испещренными следами схода лавин и быстрыми ручьями. Местность выглядит уединенной, почти враждебной, хотя отсюда лишь сорок минут езды до городка Твин-Фоллс, который находится на северной оконечности пролива. Сам Твин-Фоллс расположен примерно в двух часах езды на север от бурлящего жизнью Ванкувера на северо-западном побережье Тихого океана, но кажется невообразимо далеким и затерянным во времени.

– Возможно, с точки зрения ворон, – бормочет Джио, кутаясь в свой плащ. – Зимой тебе, наверное, понадобится снегоход и снегоступы для передвижения в здешних местах. Не могу представить, как плужный снегоочиститель сможет пройти по этой грязной извилистой грунтовке, которая ведет отсюда.

Я улыбаюсь про себя и смотрю на модные туфли Джио, залепанные грязью. Джио гораздо лучше приспособлен к уличным барам и кофейням центрального Торонто. Или Манхэттена. Джио, который ставит ярко-желтую «Теслу» в высокотехнологичный гараж у себя дома, не в восторге от грузопассажирского автомобиля, который я взяла напрокат для нашего подкаста на западном побережье. Но этот автомобиль идеально подходит для звукозаписывающего оборудования и может служить в качестве передвижной студии. Я оставила его на обочине дороги за кустами, когда заметила трактор по пути к воротам фермы. Мы с Джио пешком спустились по крутому склону и прошлепали в грязи вокруг амбара рядом со старым фермерским домом. Сейчас мне хотелось избежать встречи с Грэйнджером Форбсом, партнером Рэйчел. На прошлой неделе, когда мы приехали в «Зеленые Акры» и попытались встретиться с ней, Грэйнджер недвусмысленно дал понять, что Рэйчел никогда не согласится побеседовать с нами.

До сих пор Рэйчел Уолкзек ни разу не отвечала на мои бесчисленные телефонные послания. А мне действительно

было нужно поговорить с ведущим следователем, которая двадцать четыре года назад работала над убийством Лиины Раи. Она была ключом ко всему. Без Рэйчел наш подкаст с описанием жестокого изнасилования и убийства четырнадцатилетней девочки из Твин-Фоллс не мог достичь максимальной глубины и убедительности.

Порывы ледяного ветра. Облако мороси целует меня в лицо, и я содрогаюсь от холода. Примерно в такой же день и в тот же месяц группа Рэйчел обнаружила избитое тело Лиины в темной воде под мостом Дьявола.

Трактор начинает описывать широкую дугу.

– Она возвращается к амбару, – говорю я. – Пошли, давай перехватим ее на пути.

Я быстро иду по влажному полю, не обращая внимания на грязь, липнущую к туристическим ботинкам. Джо, чертыхаясь, плетется за мной.

– Она явно не хочет говорить с нами! – кричит он сзади. – Иначе она отвечала бы на твои сообщения.

– Очевидно, – говорю я. Но скрытность Рэйчел лишь усиливала мою решимость. Люди, которые не хотят говорить, обычно могут сказать больше других. Люди, избегающие социальных сетей и общества в целом, обычно многое скрывают, поэтому мое интервью с Рэйчел Уолкзек будет настоящим репортерским подвигом. Я почти ощущаю привкус успеха. Проект с самого начала обещал стать настоящим прорывом. Рейтинги и обзоры взлетели на небесную высоту

две недели назад – после того, как первый эпизод вышел в живой эфир. Второй эпизод на прошлой неделе принес еще лучшую статистику. Каждый ревностный поклонник уголовщины *жаждал* откровений Рэйчел Уолкзек в следующих выпусках. О том, как она вычислила и поймала убийцу. Как она допрашивала его и довела дело до признания. Как убрала его за решетку.

– Не смотри туда, но я вижу ее мужа в мансардном окне, – говорит Джо, поравнявшийся со мной. Он наблюдает за нами. Возможно, заряжает свой обрез. Ты хотя бы понимаешь, что мы находимся на частной территории?

Я продолжаю идти. Напряжение растет по мере того, как трактор приближается к амбару. Я ускоряю шаг. Дождь усиливается, мои волосы почти совсем промокли. Туман вокруг амбара сгущается и выбрасывает тонкие щупальца.

Джо спотыкается и раздражается проклятиями.

– Ты это видела? – восклицает он. – Франкенштейновские картофелины размером с мою голову!

Я вижу огромные картофелины. Они были оставлены в земле при сборе урожая: слишком большие для продажи на рынке. Но мое внимание сосредоточено на зеленом тракторе, из которого спускается темноволосая женщина. Она носит бейсбольную кепку, непромокаемые штаны, дождевик и грязные резиновые сапоги. Собака прыгает за ней и с лаем бежит к нам, оскаливая клыки. Мы замираем на месте. Разумеется, она видела наше приближение, но продолжает иг-

норировать нас, когда снимает с трактора мешок брюквы и уходит в амбар. Собака продолжает прыгать вокруг и лаять, удерживая нас на месте.

– Рэйчел! – кричу я, перекрывая собачий лай. – Рэйчел Уолкзек! *Пожалуйста*, мы можем поговорить с вами?

На какой-то момент Рэйчел медлит в дверях амбара, но потом входит внутрь и посвистывает. Бордер-колли одаряет нас прощальным гавканьем и бежит в амбар вслед за бывшим детективом.

Я пользуюсь возможностью и быстро вхожу следом, утирая с лица капли дождя.

– Рэйчел Уолкзек, я Тринити Скотт, сопродюсер подкаста о настоящих уголовных делах «Это преступление», а это мой помощник Джио Росси...

– Я знаю, кто вы такая, – низкий, хрипловатый, властный голос. Она садится на перевернутую корзину лицом к нам. Льдисто-серые глаза, длинные и темные ресницы. Скобки морщин вокруг сильного широкого рта. Серебристые пряди в густой влажной косе, переброшенной через плечо. Она высокая. Выглядит сильной и гибкой, хотя, формально говоря, ей достаточно лет, чтобы годиться мне в матери. Рядом с ней я выгляжу малышкой, хотя на самом деле это не так. Рэйчел полностью оправдывает мои ожидания.

– Я не намерена разговаривать с вами, – говорит Рэйчел. – И я хочу, чтобы вы покинули мою собственность.

Меня пронзает вспышка неуверенности. Я быстро смотрю

на Джио, и его темные глаза встречаются с моими. Выражение его взгляда отражает мои мысли: *«Это наш последний заход. Другого окна возможности уже не будет»*.

– Прошло почти четверть века, – спокойно говорю я с сильно бьющимся сердцем. Я думаю о Грэйнджере с заряженным обрезом и о том, что мы вторглись на чужую землю. – Как раз в это время года ваша водолазная группа нашла тело Лиины в солоноватой протоке. Холод, туман, снег с дождем. Ветер, дующий с моря...

Я делаю паузу. Рэйчел прищуривается, пронзительно глядя на меня, и едва заметно меняет позу.

– Те же самые запахи в воздухе, – продолжаю я. – Запахи костра, прелых листьев и мертвой рыбы. Преддверие зимы.

Рэйчел не отрывает взгляд от меня. Я осторожно делаю шаг вперед. Глубокие морщинки, которые лучами расходятся от уголков ее глаз, оставлены не смехом, а годами тяжелого труда. Внезапно меня охватывает глубокое сочувствие, граничащее с сопереживанием. Эта женщина-полицейский многое повидала, многое сделала в своей жизни. Теперь она хочет, чтобы ее оставили в покое.

Пес тихо рычит. Джио остается стоять позади.

– Ваш муж...

– Я не замужем.

– Ваш партнер Грэйнджер сказал нам, когда мы приехали сюда на прошлой неделе, что вы не захотите говорить с нами и я могу понять ваше нежелание.

– В самом деле? – она не скрывает язвительности.

– Я провела собственное расследование. Я знаю, как в прессе началась кампания травли против вас и как вам пришлось уйти со службы. Но я хочу лишь обсудить с вами основные элементы расследования дела Лиины Раи. Вашу стратегию. Как вы привлекли к следствию детектива Люка О’Лири. Как заставили убийцу Лиины признаться в содеянном, что привело его за решетку. В этих пределах.

Рэйчел открывает рот, но я поднимаю руку, останавливая ее:

– Только основы расследования, мисс Уолкзек. Воздействие этой чудовищной истории на маленькую городскую общину – на ее учителей, друзей, одноклассников...

– Я Рэйчел Харт. Больше не Уолкзек, – она наклоняется за корзиной. – И мой ответ: нет. Сожалею, но нет. И вам известно, что я была не единственным следователем по этому делу. Обратитесь к Люку О’Лири или к Берту Такеру.

– Берт Такер направил меня к сотруднику по связям с общественностью в полицейском департаменте. Детектив О’Лири сейчас находится в хосписе и редко приходит в сознание.

Рэйчел замирает на месте и заметно бледнеет.

– Я... я не знала, – тихо говорит она. – Где... в каком хосписе?

– На северном побережье, рядом с клиникой Лайонс-Гейт. Она смотрит в пространство. Время как будто растягива-

ется в стороны. Где-то в амбаре капает вода. Потом она приходит в себя, и ее лицо снова становится жестким.

– Я хочу, чтобы вы уехали с моей фермы. Сейчас же.

Джио направляется к выходу из амбара. Но я не сдаю позиции, хотя сердце дает сбой, когда я чувствую, что все может быть впустую.

– Пожалуйста, мисс Харт. Я могу справиться без вашей помощи и сделаю это. Но с вашим участием история будет гораздо более полноценной. Я делаю этот подкаст не ради сенсации, а ради понимания, почему это произошло. Почему вроде бы нормальный человек внезапно переходит черту и совершает жестокое преступление? Какие серые области существуют в промежутке? Мог ли кто-то видеть признаки грядущего события? Каким образом обычная школьница из обычного рабочего городка на тихоокеанском Северо-Западе могла стать жертвой такого жуткого преступления, – я достаю из кармана визитную карточку и протягиваю ее бывшей следовательнице. – Пожалуйста, возьмите это. Рассмотрите возможность связаться со мной. Мы с Джио будем курсировать между Твин-Фоллс и окрестностями Ванкувера и разговаривать с людьми, имевшими отношение к делу.

Рэйчел поджимает губы. Прежде чем она успевает отвернуться, я продолжаю своим «лучшим тоном», мягко и вкрадчиво:

– Когда Клэйтон Джей Пелли был признан виновным, он все отрицал. Он отказался объяснить вам, *почему* это сделал.

Дождь начинает громко стучать по жестяной крыше амбара. Я чувствую острый запах земли и сырой соломы.

– Клэйтон Пелли ограбил родителей Лиины. Он не только отнял жизнь дочери Джасвиндера и Пратимы Раи, но и лишил их объяснений своего поступка. Да, он рассказал вам, *как* это сделал, но, согласно стенографическим записям, он так и не объяснил, *почему* он выбрал Лиину. Он не раскрыл причину насилия. Мисс Харт, разве вас не интересует, почему Клэйтон Джей Пелли – благовоспитанный учитель, муж, отец, школьный консультант по профориентации и баскетбольный тренер – вдруг совершил такое жуткое преступление?

– Некоторые люди рождаются психически больными. И теперь, после стольких лет, вы тем более не добьетесь от него ответа...

– Он разговаривал со мной.

Рэйчел замирает. Наступает томительная пауза.

– Он... что?

– Пелли. Он разговаривал со мной в тюрьме. Он согласился дать несколько интервью, под запись, – я выжидаю несколько секунд для пущего эффекта. – Он обещал рассказать нам, почему это сделал.

Лицо пожилой следовательницы становится пепельно-серым.

– Клэй заговорил?

– Да.

– Двадцать четыре года он не говорил ни слова. Никому. Почему сейчас, после стольких лет? – она смотрит на нас. – Потому что ему наконец обещали досрочное освобождение, да?

Я храню молчание. Добыча взяла наживку, и теперь я вываживаю ее.

– Это так, да? – Рэйчел повышает голос, ее глаза сверкают. – Он заискивает перед вами, перед заседанием совета по условно-досрочному освобождению. Он собирается разыграть вас, использовать в своих целях. И вы повелись на это. И теперь вы собираетесь снова провести семью Лиины через весь этот ад.

Я не отвечаю, но смотрю в глаза Рэйчел. Чувствую, как Джио напрягается у меня за спиной.

– Что он вам рассказал? – наконец спрашивает Рэйчел прерывающимся голосом.

Я снова протягиваю ей визитную карточку, и на этот раз бывшая полицейская берет ее.

– Наш первый эпизод вышел в эфир на прошлой неделе. Второй вышел вчера. Здесь, на карточке, есть адрес нашего сайта, – я делаю короткую паузу. – Пожалуйста, прослушайте первый эпизод. Потом позвоните мне.

Рэйчел Тогда

Суббота, 22 ноября 1997 года

Я наблюдаю за водолазами с берега. Сейчас я закутана в водонепроницаемый пуховик, мои волосы собраны в конский хвостик на голове. Выбившиеся пряди хлещут мне в лицо под порывами ледяного ветра с моря. Время близится к полудню, но небо остается темным и набухает облаками, временными снегом и дождем. Где-то за облаками отдаляется и замирает стрекот вертолетного ротора. Воздушные поиски были отменены из-за резкого ухудшения погоды.

Твин-Фоллс – это мой город. Я родилась и выросла здесь. А теперь я работаю следователем, иду по стопам моего недавно скончавшегося отца, командовавшего местной полицией. Поскольку я сама являюсь женой и матерью, то понимаю боль родителей Лиины. Их четырнадцатилетняя дочь пропала уже восемь дней назад. Пропавшей девочке-подростку столько же лет, сколько и моей дочери Мэдди. Они одноклассницы, играли в одной баскетбольной команде. А теперь я возглавляю поиски. Эта ноша кажется огромной. Я должна найти Лиину, живой и здоровой.

Сначала возникло ощущение, что Лиина могла разыграть родителей, как уже делала раньше, и вскоре она появится сама. Но два дня назад среди учеников средней школы Твин-Фоллс – единственной средней школы в городе – поползли разные слухи. Дети утверждали, что Лиина утонула и что ее тело, «возможно», плавает где-то в реке Вайякан. Эта река сбегает с горных склонов, замедляет течение и разливается неподалеку от города и потом несет солоноватые воды в морской пролив рядом со складом сортировки лесоматериалов и целлюлозной фабрикой.

Я вызвала группу К9¹ сразу же после того, как узнала о слухах. Полицейский отдел Твин-Фоллс также отрядил поисково-спасательную группу для проведения поисков по берегам Вайякана, начиная с болота выше по течению реки и вплоть до самого моря.

Вчера утром мать привела в полицейский участок ученицу по имени Эми Чан. Эми заявила, что она видела, как пьяная Лиина брела по тротуару моста Дьявола около двух часов ночи в субботу 15 ноября. Я немедленно перебросила группу поиска в район моста. Вчера поздно вечером, незадолго до наступления темноты, был обнаружен рюкзак, застрявший между крупными валунами под мостом на южном берегу реки. В этом месте подростки иногда собираются, чтобы покурить, выпить и пообщаться друг с другом. Опоры моста покрыты граффити; там валяется старый матрас, картонки,

¹ К9 – кинологическая группа (*прим. пер.*).

пивные банки, бутылки и другой городской мусор. В рюкзаке мы нашли бумажник с удостоверением личности Лиины, четыре доллара и семьдесят пять центов, а также мятую фотографию судна с названием «Милость Африки», написанным белыми буквами на корпусе. Вокруг рюкзака, среди камней мы нашли тюбик губной помады вишневого цвета, ключ с брелком, промокшую пачку сигарет, зажигалку, пустую бутылку из-под водки «Смирнофф», вязаный шарф со следами крови и отсыревшую книжку стихов «Шепот деревьев», написанную известным поэтом тихоокеанского Северо-Запада. На титульной странице имелась надпись: *С любовью от А. К., UBC, 1995.*

Рано утром, когда возобновились поиски, группа K9 обнаружила кроссовку «Найк» с окровавленным носком. И то, и другое было найдено под мостом на северном берегу. Родители Лиины подтвердили, что кроссовка «Найк» принадлежала их дочери, как и рюкзак с шарфом. Шарф был связан ее бабушкой. Ключ был от парадной двери ее дома.

Опасаясь худшего, я вызвала группу водолазов. Два часа назад, после брифинга, они приступили к безрадостным подводным поискам.

Начинается дождь. Я дрожу, даже закутавшись в теплую куртку. С берегов несет запахом гниющей лосося. Белоголовые орланы наблюдают за нами с безлистных ветвей, ожидая отъезда полиции, чтобы возобновить пиршество на рыбьих костях. Это ежегодный ритуал, когда лосось подни-

мается на нерест по Вайякану, а потом умирает. Позже, под покровом темноты, медведи и волки придут за своей долей добычи.

Мои мысли обращаются к родителям Лиины и к ее младшему брату, которые ожидают новостей в своем непритязательном доме. Их единственная дочь не вернулась домой после посещения «тайного» празднества у костра в горах к северу от города. Дети собирались в месте, известном как «роща», для сжигания старых лыж и сноубордов в честь Улльра, мифического бога снега из Скандинавии. Когда-то костры с жертвоприношениями Улльру были ежегодным городским празднеством вкупе с регалиями викингов, но в прошлом году мэр и городской совет Твин-Фоллс запретили их по соображениям безопасности. Этот шумный ритуал стал привлекать внимание лиц с преступными наклонностями, и дикие попойки с прыжками через костер привели к нескольким тяжким ожогам. Все беспокоились, что так недалеко и до смертельных инцидентов.

Теперь, похоже, это случилось.

Как минимум двадцать детей видели Лиину у костра. Все утверждали, что она много пила. Некоторые видели Лиину с мужчиной, но не могли сказать, кто это такой. В ту ночь наступило полнолуние, воздух был прозрачным, как стекло, и в 21:12 русская ракета вошла в верхние слои атмосферы, взорвалась и рассыпалась на кометы с длинными пылающими хвостами, прочертившими ночное небо.

Все задрали головы. Все запомнили этот момент. Все помнили, где именно они находились; их воспоминания были закреплены ярко-оранжевыми огненными полосами в холодном ноябрьском небе.

Остатки ракеты упали в океан неподалеку от штата Вашингтон, никому не причинив вреда. Все это было зарегистрировано.

Но с тех пор никто больше не видел Лиину.

«Вечеринка, тина, пошла вразнос».

«Мы курили травку...»

«Куча выпивки...»

«Может быть... Кажется, я видел, как она уходит в лес с каким-то парнем. Он был высокий... Темная куртка, джинсы и шапка».

«Нет, я не видел его лицо».

«Думаю, она была с каким-то парнем».

«Большой парень. Темный плащ. Шапка».

«Она сидела на бревне рядом с парнем в шапке и в длинном плаще... нет, я не знаю, кто это такой».

Их слова вращаются в моей памяти, пока я смотрю на двух водолазов в резиновой лодке «Зодиак». Сотрудники полиции крепко держат веревки, прикрепленные к двум ныряльщикам, констеблям Тому Танаке и Бобу Гордону. Там, под водой, констебли в гидрокостюмах ощупью продвигаются в мутной воде с почти нулевой видимостью. Вода под мостом заполнена опасными вещами: торговыми тележками, ржа-

вым металлом, битым стеклом, старыми гвоздями и так далее.

Я смотрю на часы. Почти наступило время для очередного перерыва. Меня гложет досада.

– Эй, Рэйчел!

Я поворачиваюсь на звук голоса. Это Берт Такер, констебль из полицейского участка Твин-Фоллс в служебной форме. Он осторожно спускается между скользкими валунами к краю воды, где я сейчас нахожусь.

Он протягивает мне чашку кофе.

– Черный, с одним пакетиком сахара.

Широкое, добродушное и обычно бледное лицо Такера разбурчалось от холода. Его глаза слезятся от соленого ветра, кончик носа покраснел. Я вспоминаю красные глаза матери Лиины, а потом замечаю за спиной Такера группу людей, собравшихся на старом деревянном мосту. Меня охватывает гнев.

– Какого черта? Гони их, Такер, убери их к чертям с этого моста!

Сердиться тем проще, что все остальные эмоции угрожают ошеломить меня. Такер карабкается вверх через валуны, унося кофе с собой.

– Такер, подожди! – кричу я. – Сначала проверь тех, кто занимается видеосъемкой!

Я хочу знать, кто здесь: кто первым приехал узнать о находках полиции. Мне следовало бы с самого начала попро-

силь о видеосъемке. Я работаю в маленьком городе и никогда не имела дела с убийствами... если это убийство. Мне до сих пор хочется верить, что Лиина жива и здорова. Может, сбежала с другом и спит с ним где-то в другом городе. Где угодно.

Только не здесь.

Не на дне темного залива, заросшего водорослями.

На одной из лодок начинается движение. Раздается крик, и рука с веревкой взлетает вверх. На поверхности появляется голова ныряльщика, обтянутая черным гидрокостюмом. Констебль Танака. Его защитные очки поблескивают в неверном свете.

Я стискиваю зубы. Мое сердце бьется чаще, пока я пробираюсь между валунами, стараясь подойти ближе. Кричит чайка. Дождь усиливается. Гудок паромы с целлюлозной фабрики скорбно звучит в тумане.

– Камера! – кричит ныряльщик полицейскому на берегу, и камера отправляется по воде к Танаке вместе с маркером. Танака пользуется маркером – крашеной деревянной палочкой – для обозначения находок. Он снова ныряет, и пузыри поднимаются на поверхность. Широкие круги расходятся по воде. Он вернулся, чтобы сфотографировать находку на месте перед подъемом. Мне известно, что водолазы изучают место преступления под водой по тем же инструкциям, что и следователи на земле. Первоначальные наблюдения ныряльщика могут послужить ключом к раскрытию дела. Посмертное

расследование начинается после того, как ныряльщик обнаруживает тело, и ему нужно разбираться в подробностях погружения и утопления.

– Трусики! – восклицает полицейский с веревкой в руке, когда Танака поднимает предмет туалета. Мешковатые трусы покрыты коричневым илом. – И холщовые брюки, – добавляет он, когда Танака поднимает новую одежду.

Лиину последний раз видели в камуфляжных рабочих брюках с глубокими боковыми карманами.

У меня сохнет в горле. Теперь изнасилование становится вполне реальной возможностью. И как мне рассказать об этом Джасвиндеру и Пратиме Раи?

– Начинается прилив, – произносит кто-то рядом со мной.

Я вздрагиваю. Это Такер. Он вернулся и принес мой кофе.

– Думаю, они уже близко, – тихо говорю я.

Новый крик с лодки. Потом все замолкает, кроме шлепанья дождевых капель по воде. Появляется еще один маркер. Оба ныряльщика всплывают на поверхность. Они тянут что-то большое. Подплывают к берегу, медленно подтаскивают тело, облепленное водорослями.

– Людей убрали с моста? – тихо спрашиваю я, глядя на водолазов.

– Да. Там поставили кордон.

Я тяжело сглатываю. Это ее тело. Мужчины подтащили его туда, где я стою. У меня застилают глаза от нахлынувших чувств, но я подхожу и наклоняюсь.

Между ныряльщиками лежит Лиина Раи. Качается на мелководе лицом вниз, руки по бокам. Ныряльщики встают и аккуратно проводят тело через заросли тростника. Ее тело почти полностью покрыто соленой водой от прилива. Черные волосы развеваются вокруг головы, голые ягодицы едва торчат над водой. Короткий топик завязан вокруг шеи.

Я как будто онемела. Мужчины переворачивают ее.

Невидимый разряд тока пробегает через нас, когда мы в ужасе смотрим на нее.

Рэйчел Сейчас

Среда, 17 ноября. Наши дни

Холод разливается у меня в груди, когда я смотрю, как создательница подкаста и ее помощник пробираются в грязи к красному автофургону, припаркованному на обочине дороги. Я удалила голосовые сообщения от Тринити Скотт. Все пять штук за последний месяц. Я рассчитывала, что она уяснила суть. Движение в окне мансарды привлекает мое внимание, и я смотрю на дом. Грэйнджер, наблюдающий из своего кабинета наверху. Конечно, он видел посетителей.

Ваш партнер Грэйнджер сказал нам, когда мы приехали сюда на прошлой неделе, что Вы не захотите говорить с Вами, и я могу понять ваше нежелание.

Во мне просыпается гнев. Я знаю, что он высматривает меня. Я знаю, что то старое дело совершенно выбило меня из колеи, а он помог мне восстановить душевное равновесие. Но он должен был сказать мне, что Тринити и ее оболтус не пожалели времени, чтобы приехать из Ванкувера в «Зеленые Акры».

Детектив О'Лири сейчас находится в хосписе и редко при-

ходит в сознание.

На какой-то момент у меня перехватывает дыхание. Я начинаю обратный отсчет от пяти: четыре, три, два, один... Глубоко вдыхаю холодный воздух, делаю медленный выдох и перетряхиваю воспоминания. И все равно, пока я возвращаюсь к моему сельскому дому, хлюпая сапогами в грязи, а Скаут виляет хвостом у меня за спиной, я ощущаю скрытое присутствие гор вокруг моего куска земли. И я чувствую, как они давят на меня, вместе с низкими кучевыми облаками. Вместе с наступающей зимой. Я не могу отделаться от ощущения, будто нечто пробудилось и поднимается вверх из-под черных пластов земли, воспоминаний и времени.

В прихожей я избавляюсь от сапог и стряхиваю с плеч тяжелый плащ. Беру полотенце и обтираю Скаута. Он радостно выгибается, но, если обычно его проказы приводят меня в восторг, теперь мое волнение лишь усиливается.

Грэйнджер спустился вниз. Он сидит у огня в своем кожаном шезлонге, водрузив на нос очки для чтения, и читает рукопись. Он критикует статьи для журнала о психологии. Еще он специализируется на лечении посттравматических стрессовых расстройств и болезненных привычек с помощью гипнотерапии. На том, какие следы травма оставляет в теле и разуме, и на вырабатываемых людьми механизмах борьбы с ПТСР.

– Ты мне не сказал, – говорю я, направляясь на кухню. Он глядит на меня через полукруглые очки.

– О чем?

Он носит облезлый свитер, который я давным-давно связала ему во время стресса, еще до покупки «Зеленых Акр» и до того, как он перешел на частичную занятость и переехал ко мне. Его волосы в полном беспорядке. Каштаново-русые, пронизанные серебром. У Грэйнджера привлекательное лицо, морщинистое от жизни на свежем воздухе, времени и жизненных переживаний. На полках за его спиной книги по психологии борются за выживание с томами по философии и эклектичной смесью художественной и документальной литературы: в основном историями об одиноких странствиях, где человек оказывается лицом к лицу с природой. Грэйнджер был моим лечащим врачом до того, как мы стали любовниками. И я понимаю, что мне повезло встретиться с ним. Во многих отношениях он является моим спасителем. Именно поэтому я стараюсь сдерживать мою обиду на то, что он не сказал мне о визите Тринити Скотт.

– Ты знаешь, о чем, – резко говорю я и беру кофейник. – Почему ты не сказал мне, что эта женщина уже приезжала сюда раньше?

– Ты хочешь поговорить с ней?

– Разумеется, нет, – я наполняю кофейник водой; собственные движения кажутся мне дергаными и скованными. – С какой стати я буду помогать ей делать деньги и раздувать сенсацию за счет страданий одной семьи – да что там, целой общины! – спустя столько лет?

Я наполняю кофемашину, расплескивая воду на столешницу.

– Развлечение за счет других людей, которые никогда не напрашивались на жестокое убийство? Ни за что.

– Поэтому я и не стал ничего говорить. Зачем без нужды расстраивать тебя?

Наступает пауза. Я гляжу на него. Он встает и идет на кухню.

– Послушай, Рэйч, мы оба знаем, как ты пострадала из-за этого расследования, – он заправляет мне за ухо выбившуюся прядь влажных волос. – Мы знаем, как тяжело это сказалось на твоей семье... на всех остальных.

Я отстраняюсь от него и достаю из буфета жестянку с кофе. Насыпаю молотый кофе в фильтр, мысленно возвращаясь к моему бывшему мужу, а потом к моей отчужденной дочери Мэдди и двум прелестным маленьким внукам, которых она почти не позволяет мне видеть. Я неловко поворачиваю ложечку, и кофе рассыпается по столешнице. Мои глаза наполняются слезами. Убийство Лиины Раи все изменило. Мои супружеские отношения, мои отношения с ребенком. Оно изменило весь город. Твин-Фоллс утратил невинность после изнасилования и убийства Лиины. Оно также было началом конца моей полицейской карьеры. Я так и не последовала до конца по отцовским стопам и не стала руководителем отдела полиции, вопреки ожиданиям большинства. Я даже не могу точно определить причину моего падения.

Возможно, это был Люк.

– Ты должен рассказывать мне о подобных вещах, Грэйнджер.

– Тогда извини. Правда. Я люблю тебя, и я понимал, что это пробудит дурные воспоминания. И, честно говоря, я не думал, что эта женщина...

– Тринити Скотт.

– Я не думал, что Тринити хватит упрямства вернуться сюда, не говоря о том, чтобы притаиться за домом и подстеречь тебя у амбара. Если подумать... – он улыбается, – ...если подумать, она мне кое-кого напоминает.

Я криво улыбаюсь, но беспокойство не покидает меня.

– Клэй Пелли говорил с ней, – я пристально наблюдаю за его лицом. – По словам Тринити, он согласился дать несколько интервью под запись и пообещал объяснить, почему он это сделал.

Выражение глаз Грэйнджера говорит о многом. Я ругаюсь сквозь зубы.

– Ты слушал ее подкаст. Ты все слышал, и тебе не хватило смелости рассказать мне?

– Рэйч... – он тянется ко мне, но я отталкиваю его руку.

– Черт бы тебя побрал. Как? Как ты мог это выслушать и не сказать мне?

– Я был твоим лечащим врачом. Я присутствовал с самого начала. Человек может считать, что с ним все в полном порядке. Он может быть уверен, что преодолел или эффектив-

но изолировал негативные последствия, но память о травматическом событии иногда оказывается запертой в физическом теле. А если ты услышишь голос Пелли и снова начнешь переживать это... ради всего святого, Рэйч, это тебе совсем не нужно. Пусть оно остается в прошлом. Оставь это дело в покое.

Я гневно смотрю на него и чувствую, как кровь отливает от лица.

– Значит... ты *слышал* его слова. Ты слышал его голос? Грэйнджер не отвечает.

– Что он сказал?

На его виске пульсирует маленькая жилка. Он стискивает зубы.

– Пожалуйста, Рэйчел, – тихо говорит он. – Дело того не стоит.

Я беру кофейник и наливаю в кружку горячую жидкость.

– Что именно сказал Пелли? Значит, уже все, включая отца Лиины и ее младшего брата, слышали излияния насильника и убийцы?

Он прикасается к моей руке. Я рефлекторно вздрагиваю; обжигающе горячая жидкость проливается мне на запястье. Я ставлю чашку на стол и упираюсь ладонями в столешницу. Гляжу в окно над раковиной с сильно бьющимся сердцем. Грэйнджер прав: знакомство с подкастом не пойдет мне на пользу. Смотрите, до чего я дошла: я стала похожа на оружие со взведенным курком.

– Ты действительно хочешь знать мое мнение о первом эпизоде? – тихо спрашивает Грэйнджер.

Я киваю, не глядя на него.

– На мой взгляд, Клэй Пелли влез в голову хорошенькой молодой псевдожурналистке, которая жаждет произвести сенсацию и сделать себе имя на расследовании подлинных преступлений. Тринити Скотт психологически податлива. Либо ее можно считать обычной конъюнктурщицей. Тот факт, что он выбрал ее, запал ей в голову и дал ей шанс на мгновенную известность. Люди проявляют интерес, потому что до сих пор Клэйтон Джей Пелли хранил молчание, а теперь он начал игру.

– Почему? – тихо спрашиваю я. – Почему *сейчас*?

– Полагаю, ответ будет все более очевидным с продолжением еженедельных подкастов, но уже из первых эпизодов становится ясно, что Клэй распределяет силы для долгой игры. Тринити получила права на серию двадцатиминутных интервью с ним, и Клэй строго дозирует информацию. Он собирается заканчивать каждый эпизод крайне интригующим фрагментом информации, который гарантирует внимание зрителей и возвращение Тринити Скотт. Она будет снова и снова приходить к нему, в тюремную камеру. Молодая сексуальная женщина, после долгих лет одиночного заключения. Все может быть очень просто. Красотка, которая жадно ловит каждое его слово. Это соответствует его склонности к психологическим манипуляциям и обретению власти над

молодыми женщинами. Но, независимо от его планов, я не хочу, чтобы ты становилась жертвой его тошнотворной игры.

– Может быть, он объяснит, почему это сделал.

– Или солжет.

– Но если он действительно скажет...

– Тогда ты узнаешь об этом. Но ты не должна слушать каждый эпизод и получать удар за ударом. Ты можешь получить результат в конце игры.

Я с шумом выдыхаю воздух из легких. Он подходит ближе, кладет ладони мне на щеки.

– Обещай мне, что попробуешь не обращать на это внимания.

– Когда ты слушал запись?

– На следующий день после первого выхода в эфир.

– На прошлой неделе?

У него сконфуженный вид. Я пользуюсь моментом, чтобы сделать вдох.

– Он... он сказал что-нибудь *действительно* важное?

– Нет.

– Как звучал его голос?

– Хрипло. Как будто у него больное горло.

Меня пронзает игла любопытства. Какой-то момент я смотрю на Грэйнджера, стараясь прочесть его взгляд. Он твердо смотрит на меня в ответ. Наконец я выдавливаю улыбку.

– Как всегда, ты моя опора, – я подаюсь вперед и целую

его.

Но когда я несу чашку кофе к камину, то ощущаю темный след за собой. Мой мужчина должен был сказать правду. Он этого не сделал, и теперь у меня тяжело на душе. И я снова ощущаю, что убийство Лиины Раи поставило мою жизнь на грань перемен.

Рэйчел Сейчас

Четверг, 18 ноября. Наши дни

Да, я это сделал. Хорошо? Я, черт побери, сделал это. Все, что угодно.

Голос Клэя из далекого прошлого эхом отдается в моем черепе, пока я беспокойно ворочаюсь в постели.

Я изнасиловал и убил Лиину Раи... я не мог ее вынести, я не выносил того, что она собой представляла...

Я слышала эхо голоса Люка, затерянного в коридорах времени.

Расскажи нам, что ты сделал. Как ты это сделал?

Потом мой мозг снова наполняет монотонный голос Клэя.

Я избил ее до бессознательного состояния. Я ненавижу это, я убивал это. Я хотел, чтобы она умерла. Ушла прочь из моей жизни...

Я больше не пытаюсь заснуть и лежу, слушая барабанный стук дождя по жестяной крыше, пока яркие воспоминания о допросе воскресают в моем сознании. Серое лицо Клэя. Его впалые щеки, фиолетовые круги под глазами. Тонкая пленка пота, выступившего на коже. От него разило старым перега-

ром. Мое напряжение. Стиснутые зубы Люка, когда он подается вперед и впивается взглядом в Клэя. Остальные наблюдают за зеркальным стеклом.

Дождь прекращается. Облака на улице расходятся в стороны, и пятна лунного света ложатся на наши скомканные одеяла. Я слышу, как Скаут ворчит и подергивается на собачьей лежанке под окном.

Я поворачиваю голову на подушке и смотрю на Грэйнджера. Он дышит глубоко и ровно; его грудь вздымается и опадает в равномерном ритме. Это придает ощущение дома и надежности. Он остается стабилизирующей силой в моей жизни. Сердце привычно сжимается от любви. Но за любовью лежит невысказанное беспокойство, странная печаль, нечто тяжелое и темное, ворочающееся в подсознании. Я отворачиваюсь, взбиваю подушку и ложусь обратно. Лицо Тринити и ее слова всплывают в моей памяти.

Он говорил со мной...

Тихо, чтобы не разбудить Грэйнджера, я откидываю одеяло. Нахожу тапочки под кроватью и тянусь к теплому халату. Завязываю пояс на талии, подхожу к окну и складываю руки на груди. Я смотрю на пейзаж вокруг моей фермы, призрачный в серебристом лунном свете. Ветви тсуги извиваются на ветру в такт неслышной для меня мелодии. Тонкие березовые пальцы тихо постукивают по оконной раме, словно просят внутрь. Я думаю о луне, висевшей над призрачными вершинами двадцать четыре года назад, когда Лиина пропа-

ла в лесу и была обнаружена плавающей под мостом Дьявола. Голос Тринити снова звучит у меня в голове.

– *Наш первый эпизод вышел в эфир на прошлой неделе. Второй вышел вчера. Здесь, на карточке, есть адрес нашего сайта.*

Я оглядываюсь через плечо: Грэйнджер похрапывает и переворачивается на бок. Я тихо выхожу из комнаты. Половицы тихо поскрипывают, когда я спускаюсь вниз, в мой кабинет, где я веду бухгалтерию фермы. Я включаю настольную лампу и обогреватель, потом включаю настольный компьютер. Слышу цокот собачьих когтей по деревянному полу, когда Скаут приходит в мой кабинет и ложится на собачью подстилку, устроенную здесь. Я нахожу визитную карточку, полученную от Тринити, и ввожу сетевой адрес подкаста «Это преступление».

Подкаст организован маленькой командой энтузиастов. Тринити Скотт – ведущая и автор проекта. Джо Росси числится помощником режиссера. Среди остальных есть сценарист/исследователь, композитор/звукорежиссер и иллюстратор/дизайнер.

Я раскрываю биографические данные Тринити Скотт и изучаю фотографию молодой женщины. Она по-своему красива, но не по общепринятому канону. Бледная кожа, узкий подбородок, глянцевитые черные волосы с короткой стрижкой «под эльфа». Большие фиолетовые глаза. Невинный вид, за которым скрывается неистовство или упорство. Я ощу-

щаю это. Это было одной из составляющих моей следовательской работы – узнавать далеко не очевидные вещи о людях, с которыми имеешь дело. Эта черта осталась со мной.

Я проглядываю биографические данные.

Тринити Скотт описывает себя как самоучка со страстью к расследованию настоящих преступлений, уголовной психологии и криминалистике. Она родом из городка на севере Онтарио и переехала в Торонто после окончания школы, где присоединилась к проекту «Это преступление».

За краткой биографией следует цитата Тринити из газетной статьи:

«Мир полон совершенно обычных людей, но все они способны на совершенно необыкновенные преступления. Эти истории увлекают меня... Правда служит моим единственным проводником... Если перефразировать великого Бена Брэдли², пока я добросовестно рассказываю то, что считаю правдой, то могу отдать должное всем персонажам истории. В долгосрочной перспективе правда никогда не бывает такой же опасной, как ложь. Я твердо верю, что правда освобождает нас».

Значит, он злоупотребил ее доверием.

Все произошло из-за чужих тайн.

² Бенджамин Крауниншилд «Бен» Брэдли – американский журналист, главный редактор «The Washington Post». Приобрел известность во время Уотергейтского скандала, когда в «The Washington Post» были опубликованы первые материалы о расследовании, впоследствии приведшем к отставке президента Ричарда Никсона (*прим. пер.*).

В долгосрочной перспективе правда никогда не бывает такой же опасной, как ложь.

Я не уверена в этом.

Я раскрываю меню подкаста. Последняя запись гласит:

Убийство Лиины Раи под мостом Дьявола

Если город воспитывает ребенка, может ли город убить его?

Я мысленно ошетиливаюсь. Мой пульс учащается. Я ищу наушники, надеваю их, потом медлю, вспоминая предупреждение Грэйнджера.

Независимо от его планов, я не хочу, чтобы ты становилась жертвой его тошнотворной игры.

Если Клэйтон Пели, собирается кого-то разыграть, то я хочу знать причину. Я нажимаю на ссылку первого эпизода. В наушниках звучит музыка, а когда она стихает, раздается голос Тринити.

«Твин-Фоллс был крошечным фабричным городком на северо-западе тихоокеанского побережья, когда четырнадцатилетняя Лиина Раи была объявлена пропавшей без вести осенью 1997 года. Когда Лиина не вернулась домой после сборища у праздничного костра, никому не хотелось верить в худшее. Девушек могли убивать и насиловать в большом

Ванкувере, примерно в часе езды на юг оттуда, или за границей между Канадой и США в таких местах, как Беллингэм или Сиэтл, но только не в маленькой общине Твин-Фоллс, где все жители были знакомы друг с другом.

Городок был назван в честь двойного водопада, падавшего с головокружительной высоты с гранитных утесов Чиф-Маунтин в пролив Хоу, где плавают касатки, киты и дельфины. Сам город расположен в верхней части пролива и известен как врата к зубчатым Прибрежным горам и диким просторам вокруг них. Теперь здесь катаются на лыжах и горных велосипедах, любуются парящими орлами, медведями, волками и лососем, который каждую осень поднимается на нерест по реке Вайякан. Как и любой другой осенью, берега реки были усеяны гниющей рыбой в тот мглистый и холодный ноябрьский день 1997 года, когда полицейский ныряльщик, ощупью двигавшийся в мутной воде, прикоснулся к холодному, мертвому телу Лиины Раи...»

Начинается музыкальная тема.

«...Это Тринити Скотт из подкаста “Это преступление”. Подключайтесь к нам каждую неделю, пока мы отправляем вас в прошлое на двадцать четыре года и приводим в тюрьму, где раскрываем душу и разум самозваного убийцы Клэйтона Джея Пелли, который почти четверть века не говорил ни слова о своем жестоком преступлении. Но теперь он согласился объяснить, почему он изнасиловал, избил и довел до смерти одну из своих учениц. Просто так, без всякой при-

чины? Или... Потому что я собираюсь задать Клэйтону Пелли другой вопрос: были ли другие женщины, девушки или девочки, которым он причинил вред, издевался над ними и убил их? И мы собираемся спросить: если город воспитывает ребенка, может ли город убить его? Были ли жители Твин-Фоллс причастны – пусть даже самым незначительным образом – к трагической смерти Лиины Раи?»

Мою кожу пощипывает от жара. Я оглядываюсь на дверь и усиливаю звук.

Тринити

Наше время

Пятница, 10 ноября. Наши дни

Я сосредоточенно смотрю на свои руки, неподвижно лежащие на коленях, но нервозность не отпускает меня. Я сижу возле прикрученного к полу стола в пустой комнате для допросов в исправительном заведении на реке Фрейзер, в двух часах езды от Ванкувера. Это моя первая встреча с убийцей Лиины, и я совершенно выбита из колеи.

Ночной перелет из Торонто опустошил меня. Мы с Джо успели перехватить кофе и забрали прокатный автомобиль сразу же после посадки. Погрузили оборудование и поехали прямо в тюрьму.

Мне еще предстоит установить контакт с Рэйчел Уолкзек; я несколько раз пыталась связаться с ней перед отлетом на запад, но она не отвечала на мои сообщения. Мы с Джо собираемся приехать на ферму и лично встретиться с ней. Мысль о таком формате журналистики воодушевляет меня. Передача информации в реальном времени, по мере ее раскрытия, испытание гипотез на виду у зрителей – все это чрезвычайно увлекательно. Это делает подкаст живой, дышащей

вещью.

На столе передо мной лежит мой блокнот. Там содержится первая серия письменных вопросов для Клэйтона Джей Пелли. Рядом лежит маленький цифровой диктофон и карандаш.

На мне черные джинсы, простой свободный джемпер и кроссовки. Никакого макияжа. Я убрала умные часы, сняла сережки и браслеты перед тем, как войти в здание. Меня просветили, несколько раз обыскали и впустили в комнату, где я теперь ожидаю заключенного. Окна с закаленными стеклами выходят по обе стороны комнаты. Как в аквариуме. Визиты ограничены двадцатиминутными интервалами, но Клэйтон Пелли согласился на несколько встреч. Меня тревожит, что если ему что-то не понравится в моем поведении, то он отменит нашу договоренность. Нужно продвигаться осторожно и с самого начала внимательно следить за его реакциями. Делать паузы между вопросами.

Клэйтон Джей Пелли сделал нечто чудовищное. Он настоящий монстр. Но мне говорили, что с самого первого дня он был образцовым заключенным. В нем многое не складывается, и как раз это я хочу узнать. Что заставило его сорваться именно той ночью? Почему он выбрал Лиину Раи? Почему он признал себя виновным вместо борьбы за более легкий приговор и позволил семье Раи одержать сокрушительную победу в суде? Кто такой Клэйтон Джей Пелли, когда он остается наедине с собой? Он насиловал девушек раньше, до

Лиины?

Нервозность растет. Я смотрю на часы, прежде чем вспоминаю, что сдала их на хранение. В комнате нет часов. Здесь жарко и душно. Кажется, что время тянется бесконечно. Я начинаю постукивать ногой по полу. Скоро мне понадобится в туалет. Это нервы... или кофе, который я пила по пути сюда. Или тот факт, что Пелли все еще не привели, и это причиняет мне все большее беспокойство.

Личная встреча с Клэйтоном Джеем Пелли будет настоящим откровением для меня. Я до мозга костей чувствую это. Я несколько раз писала ему с просьбой об интервью. Точно так же, как писала нескольким другим заключенным – только убийцам, чьи преступления я считала достойными темами для моего подкаста. Наконец Пелли ответил. Сначала это поразило меня, потом воодушевило таким образом, что я сама не могла разобраться в своих чувствах. Я заполнила все требуемые анкеты и циркуляры, обратилась по всем нужным каналам. Составила планы для поездки на Запад. Провела исследования.

Теперь этот день наконец настал.

Возможно, он собирается ходатайствовать об освобождении на поруки. Это и есть его игра – поматросить и бросить? Он ожидает, что я буду умолять его? Что я буду делать, если это случится? Я снова смотрю на запястье и ругаюсь: такая сила привычки. Даже то, что я не знаю точного времени, угнетает меня. Вместе с запахом и звуками этого места. Я

мысленно прохожу по списку вопросов, чтобы успокоиться.

Дверь открывается.

Я застываю на месте. Сердце громко колотится в груди.

Он входит и останавливается возле дверного проема, с охранником за спиной. Внимательно смотрит на меня оценивающим взглядом хищника. Он совершенно не похож на свои старые фотографии, которые я нашла, сделанные до того, как его отправили в тюрьму. До того, как он убил Линну Раи. Он бледен, тогда как на фотографиях всегда выглядел загорелым. По общему мнению, он был большим любителем отдыха на природе; его кудрявые русые волосы были выбелены солнцем, придавая ему очаровательный, почти мальчишеский облик. Но ему было двадцать семь лет, когда он попал за решетку. Теперь ему пятьдесят один год. Он стал более сухощавым, жестким и опасным на вид. Острый взгляд темно-голубых глаз. Остатки волос коротко острижены машинкой. На левой стороне мускулистой шеи видна татуировка в виде паутины. Я замечаю вздутый шрам, пересекающий его горло. Рукава его тюремного комбинезона закатаны, предплечья и тыльные стороны ладоней запачканы чернилами.

Сосредоточься. Не выказывай страха. Ничего не выдавай, еще не время. Ты здесь ради того, чтобы каталогизировать его. Сделать его мысленное описание для передачи твоим слушателям. Сосредоточься на том, каким ты хочешь видеть первый эпизод. Получи пару хороших звуковых фраг-

ментов, эффектных реплик. Расстановка сил обозначается в первые несколько секунд. Создай сильное первое впечатление.

– Триннити Скотт, – говорит он, звучно растягивая букву «н» в моем имени, когда его взгляд встречается с моим. То, как он катает языком буквы моего имени, выглядит непристойно интимным, как будто он собирается овладеть мной. – Итак, вы пришли.

Он медленно подходит к другой стороне стола, не сводя с меня глаз. Неторопливо садится. Его голос тихий и скрипучий, и я гадаю, имеет ли шрам на его горле какое-то отношение к травме голосовых связок. Возможно, другим заключенным не понравилось то, что он изнасиловал четырнадцатилетнюю девочку и забил ее до смерти. Во рту пересыхает, и я тщетно пытаюсь сглотнуть.

– Спасибо, что согласились встретиться со мной, – я мысленно проклинаю себя, когда мой голос срывается, выдавая мое волнение.

Тикают секунды. Охранник продолжает стоять в дверном проеме, пока Клэйтон Джей Пелли как будто хочет проглотить меня целиком, пожрать и поглотить меня до последней молекулы. Мне нужно вернуть контроль над происходящим.

– Охранник обязательно должен находиться внутри? – интересуюсь я.

Он изгибает бровь и смотрит на охранника. Тот смотрит на меня.

– Все в порядке, – говорю я.

Охранник выходит, прикрывает дверь и встает с другой стороны, где он может наблюдать за нами через стекло.

– Вы похожи на ваши фотографии в онлайне, Тринити Скотт.

– Значит, у вас есть доступ к интернету?

Медленная, лукавая улыбка.

– Вы удивитесь, какой широкий доступ к разным вещам имеется у заключенных.

Он смотрит на мой блокнот и диктофон на столе.

– Мистер Пелли, Клэйтон... Могу я называть вас Клэйтоном?

– Ради бога. Как прошла ваша поездка?

Я сознаю, что мои двадцать минут неумолимо истекают.

– Отлично. Не возражаете? – я кивком указываю на диктофон. – Мне хотелось бы вывести ваш голос в эфир. Разумеется, когда вы будете готовы.

Он облизывает губы и смотрит на мой рот.

– Можете начинать прямо сейчас.

Я включаю диктофон. Загорается красный глазок – наблюдающий и записывающий циклоп. Я остро сознаю точку зрения моей потенциальной аудитории и формулирую вопросы таким образом, чтобы получить желаемые ответы. Передо мной возникают разные линии разговора и лучшие способы их проведения. Я ощущаю себя автором этого продукта.

– Как было упомянуто в письме, мой подкаст...

– Я знаю о вашем подкасте, – говорит он тихим, скрипучим голосом. – Я слушал. Мне известно *о вас*.

– Я... да, я была не уверена, что вы можете получить доступ к таким вещам.

– Есть многое, чего вы еще не знаете, Тринити Скотт.

Он внезапно подается вперед и хлопает ладонями по столу. Я вздрагиваю.

Он смеется, потом сипло хохочет.

– Но я приложу все силы для вашего просвещения, юная Тринити Скотт.

Возмущение нарастает изнутри, превращается в гнев, а затем перерождается в нечто гораздо более темное, сложное и глубокое. Я стискиваю зубы.

– Так же, как вы «просветили» Лиину Раи? – спрашиваю я, глядя ему в глаза. – Вы были ее консультантом по профорientации, вы давали ей внешкольные уроки по английской литературе.

Он проводит языком по нижней губе.

– Да, все верно. Многообещающая ученица. Так скажите мне, что вы хотите узнать?

Я немного смещаюсь на стуле, беру блокнот и карандаш и просматриваю свой список вопросов, потому что мои мысли разбежались в стороны. Я уже выбилась из графика, и мне нужно эффектное высказывание. Я сразу перехожу к одному из главных вопросов.

– Почему сейчас, Клэйтон? Вы не говорили ни слова о вашем преступлении, но почему-то решили сделать это сейчас, – я делаю паузу. – За эти годы вы получили множество запросов от ученых, журналистов и авторов документальных детективов. Почему вы выбрали меня?

Он откидывается назад и сцепляет руки за головой, демонстрируя свои мускулы. Доминантная поза.

– Вы имеете в виду, зачем я выбрал хорошенькую начинающую радиожурналистку? Не потому ли, что старый Клэй Пелли хочет посмотреть на свеженькую, живую женщину? Он хочет, чтобы она пришла к нему, потому что ему наскучило столько лет жить за решеткой... потому что у него никого не было после четырнадцатилетней Лиины?

Жар ударяет мне в щеки. Он снова подается вперед.

– Как *вы* думаете, почему?

Теперь будь осторожна.

– Власть, – отвечаю я. – Ваше молчание было последним остатком некоей власти и контроля над Лииной и ее родителями. Вы лишили их объяснения в суде. Вы не дали прессе никаких ответов. Ваше молчание было чем-то вроде последней заявки на контроль над общиной Твин-Фоллс, над школой и учениками. Над следователями, которые пришли за вами, арестовали вас и посадили сюда, – я ненадолго замолкаю. – Но со временем эта власть истощилась, потому что никто больше не приходит к вам со шляпой в руке и не умоляет об откровенной беседе. О вас забыли. Вы потерялись за

монотонностью времени в четырех стенах. Потом вдруг появляется популярный подкаст о настоящих преступлениях, и вы принимаете мое предложение. И... да, это своеобразное развлечение. У вас снова появляется возможность немного поуправлять чужим поведением, – я прищуриваюсь. – Например, поведением молодой женщины.

Он ухмыляется и склоняет голову набок.

– Но вы получаете кое-что взамен, правда? Расскажите, Тринити, в чем состоит *ваша* цель. Рейтинги?

– Расширение аудитории. Да, больше людей будут слушать мои подкасты. И... ваш случай действительно интересует меня.

– Мой случай нельзя назвать необычным. Мужчина насилует и убивает юную женщину. Это происходит постоянно.

– Но учитель не каждый день становится насильником и убийцей. Муж. Отец. Это поднимает стоимость ваших акций.

– Думаю, вы мне понравитесь, Тринити Скотт, – он широко улыбается. Сексуальный контекст считывается без труда. И мне вдруг становится нехорошо. Слишком много кофе и адреналина, слишком мало сна. И он мне не нравится. Отвращение подкатывает мне к горлу, и, что бывает очень редко, я задаюсь вопросом, что я вообще здесь делаю. Но часы тикают. У меня есть обязательства. У меня есть спонсоры. По многим причинам мне нужно довести дело до конца.

– Давайте начнем с Лиины, – твердо говорю я. – Почему

она?

– Вы имеете в виду, зачем выбирать ее среди всех остальных учениц?

– Да. Я получила копии всех материалов вашего дела. Судя по записи вашего признания, Лиина не случайно оказалась в ту ночь на мосту Дьявола. Пьяная и одинокая. В темноте, где никто не мог ничего увидеть. Вы пестовали ее. Вы *нацелились* на нее. Финал под мостом был результатом этого. Так почему Лиина?

– Она была не такой, как остальные.

– В каком смысле?

На его лице появляется странное выражение. Скрипучий голос звучит еще тише, чем раньше.

– Почему она была не похожа на остальных? Думаю, вы знаете ответ. Наверное, все знают. Лиина не была хорошенькой и сексуальной девушкой. Она была... слово «обыкновенная» было бы явным преуменьшением, да, Тринити?

Кровь бросается мне в лицо.

– Значит, ее внешность делала ее отверженной среди сверстников? Это делало ее более легкой мишенью?

– Давайте, скажите это, – поддразнивает он. – Лиина была безобразной. Во всяком случае, так она сама говорила о себе. Другие девочки и мальчики из школы называли ее уродиной. Они придумывали ей разные клички: «толстуха», «чудо-юдо», «бетономешалка», – он следит за моим взглядом. – Они тиранили ее.

– Значит, ею было легче манипулировать, поскольку она была лишена любви и внимания? Потому что она была изгоем?

– Лиина была неуклюжей в обществе сверстников, и да, она изголодалась по ласке и доброжелательности. Но она также была одаренной девочкой. Поэтому она перешагнула через два класса в уроках английской словесности и поэтому я дополнительно занимался с ней. Думаю, в наши дни ей бы поставили диагноз «расстройство аутистического спектра». Она была талантливой поэтессой. Глубоко внутри нее обитала прекрасная душа. Люди не замечали эту душу за всем остальным.

Я испытываю легкое потрясение.

– И поэтому вы *убили* ее? Потому что она была одаренным изгоем и обладала прекрасной душой?

Молчание. На его виске пульсирует жилка. Он оценивает меня, возможно, размышляет о том, что собирается сказать мне, изменяет свое мнение.

Я нацеливаюсь на трещину, которую различила в его броне.

– Вам нравилась Лиина?

В его глазах мелькает огонек неподдельного чувства. Понимание ошеломляет меня, как удар: Лиина действительно нравилась Клэйтону. Мой интерес вытеснил страх.

– А вы ей точно нравились, Клэйтон. Это очевидно из нескольких страниц ее дневника, которые удалось обнару-

жить. Она писала о том, как вы обучили ее юнгианской концепции Тени. Она писала, что у нее и у вас опасные Тени.

Он барабанит пальцами по краю стола. Я наклоняюсь вперед и говорю:

– Она мечтала выбраться из Твин-Фоллс. По ее словам, вы были единственным, кто понимал ее.

Молчание.

– Она *доверяла* вам, Клэйтон.

– Я плохой человек, Тринити.

Я удерживаю его взгляд и чувствую, как что-то изменилось. Атмосфера в комнате стала более гнетущей. Жаркой и душной.

– Вы это хотите услышать? Что я ненормален? Так и есть. Я психически ненормальный человек, поэтому мое место здесь.

– В какой момент у вас появилась мысль об изнасиловании и убийстве Лиины? – медленно, тихо спрашиваю я. – Или вы с самого начала хотели изнасиловать ее? Но потом, как вы признались следователям, вам не понравилось содеянное, поэтому вы выжибли из нее дух. Что это было? Проецирование вашего отношения к себе на другого человека?

Молчание.

Охранник стучит в окно и показывает два пальца. Остается две минуты.

– Не очень-то хорошо выглядит, да, Тринити? – скрипит он.

Мне нужен эффектный момент, яркая реплика. Время утекает между пальцами.

– Почему вы хотите, чтобы мир узнал о вашем преступлении? – быстро спрашиваю я. – Что должны вынести слушатели из первого эпизода подкаста об убийце Джее Клэйтоне Пелли?

Дверь открывается.

– Тринити Скотт, я хочу, чтобы мир понял, что каждый из нас имеет внутреннюю тьму. Эту самую Тень. Даже вы. Но я *не* насиловал Лиину Раи.

Он смотрит на меня. Мой пульс учащается, мысли разбегаются в стороны. Он понижает голос:

– И я не убивал ее.

Меня пронзает возбуждение, смешанное с восторгом. Я получила свою зацепку, свой эффектный момент. Теперь я могу задавать вопрос: *правда ли, что в тюрьму отправили не того человека?* Я заставляю себя сохранять спокойствие, не нарушать зрительный контакт, даже не моргать. Я даже не хочу признавать, что это значит лично для меня. У меня слезятся глаза.

– Если... если не вы, то кто это сделал?

– Время вышло, Пелли, – говорит охранник. Он берет Клэйтона за руку и поднимает на ноги. – Давай, пошли.

Клэйтон слабо сопротивляется.

– Кто бы это ни сделал, ее убийца до сих пор на свободе, – тихо говорит он со странным блеском в глазах.

Охранник выводит его из комнаты. Дверь захлопывается.

Я ошеломленно сижу на месте. Уходящий Клэйтон за окном оглядывается через плечо и смеется. Я слышу его смех, когда он исчезает в коридоре. И я слышу эхо его слов.

Ее убийца до сих пор на свободе.

Рэйчел Сейчас

Четверг, 18 ноября. Наши дни

Тишина звенит у меня в ушах. Потрясенная, я отодвигаюсь от компьютера, по-прежнему с наушниками на голове. *Что за чертовщина?* Я отматываю назад финальную часть эпизода и слушаю снова.

Клэйтон: Я *не* насиловал Лиину Раи... И я не убивал ее.

Тринити: Если... если не вы, то кто это сделал?

Охранник: Время вышло, Пелли. Давай, пошли.

Клэйтон: Кто бы это ни сделал, ее убийца до сих пор на свободе.

Тихо начинается музыкальная тема.

Тринити: Вы слышали голос осужденного убийцы Клэйтона Джея Пелли. Могло ли полицейское расследование в Твин-Фоллс упрятать за решетку не того человека? Солгал ли Клэйтон, когда совершил признание в 1997 году? Правда ли, что убийца Лиины Раи до сих пор разгуливает на свободе? Живет и работает в Твин-Фоллс или, возможно, охотится

на молодых девушек в других местах? Неужели следователи Рэйчел Уолкзек и Люк О'Лири позволили опасному монстру ускользнуть от правосудия?

Музыкальная тема становится громче.

Тринити: Подключайтесь на следующей неделе, когда мы вернем вас в 1997 год и зададим вопрос: кем была Лиина Раи? И каким образом местное общество подвело ее? Как чудовище в человеческом образе смогло проникнуть незамеченным в городок на северо-западе Тихого океана? Мы также надеемся представить вам личный и подробный отчет о расследовании от старшего следователя Рэйчел Уолкзек, которая отошла от дел и живет в уединении на ферме по производству органических продуктов среди местных гор, недалеко от города, где она когда-то настигла убийцу.

Утратив дар речи, я смотрю в окно над столом. Через мое отражение в сером небе сочатся первые краски рассвета. Похоже, скоро пойдет снег.

– Рэйчел?

Я вздрагиваю и оборачиваюсь на стуле.

Грэйнджер. Он стоит в дверях моего кабинета, положив ладонь на дверную ручку. Я рывком сдергиваю наушники.

– Почему ты не постучался? Что тебе нужно?

– Я постучался.

Он смотрит на мой компьютер. Веб-страница ясно видна на мониторе. Наверху крупными буквами написано: «Это

преступление». Белые буквы на черном фоне подчеркнуты желтой лентой, какой огораживают место преступления.

– Я должна была это сделать, – тихо говорю я. – Как я могла удержаться?

Он делает резкий вдох и разочарованно качает головой.

– Клэй утверждает, что он этого не делал, – говорю я.

Грэйнджер тихо ругается сквозь зубы.

– Я же сказал, Рэйчел, он ведет игру. Он...

– Ты не сказал мне об *этом*, – я указываю на экран. – Я спрашивала, сказал ли он что-то важное. А ты ответил...

– Важное? Это *не важно*, Рэйчел. Это ложь, наглая ложь, – он снова ругается и проводит рукой по волосам, влажным после душа. – Ты правда думаешь, что если бы Клэйтон Пелли был невиновен, то он бы сидел в тюрьме и молчал двадцать пять...

– Четыре. Двадцать четыре года.

– Правильно, двадцать четыре года. Улики против него были неопровержимыми и многочисленными. Кроме того, он признался в содеянном и дал точные сведения из первых рук о том, как умерла Лиина Раи, – информацию, которой не было ни у кого, кроме следственной группы. Его признали виновным. Теперь он ведет грязную игру с Тринити Скотт. С семьей Лиины. Даже с *тобой*. Со всеми нами. И это меня чертовски раздражает, понятно?

– Тринити упомянула мое имя, Грэйнджер. Она выставила его напоказ и напомнила всем, что я возглавляла след-

ствие по этому делу. А теперь она подняла вопрос: что, если мы посадили в тюрьму не того человека? Она ясно дала понять, что предлагает мне принять участие в этом деле. Когда она объявит, что я отказалась от комментариев, то неизбежно возникнут вопросы.

Он смотрит на меня, как бы готовясь к продолжению и предчувствуя, что я скажу дальше. И я продолжаю.

– Тринити сказала мне, что Люк умирает. Он находится в хосписе...

Голос выдает меня. Он бледнеет, и его лицо превращается в неподвижную маску.

– Ты знал? – спрашиваю я.

– Она... упоминает об этом в следующем эпизоде.

– Выходит, ты знал, что Люк О'Лири находится при смерти. И не сказал мне ни слова.

Грэйнджер впивается в меня взглядом.

– Полагаю, это тоже неактуально?

Он молчит.

Я отпускаю крепкое словечко и протискиваюсь мимо него на кухню, чтобы сделать кофе. Вместо того чтобы направиться следом, он окликает меня со спины.

– Я собираюсь в город. Позавтракаю в «Лосе».

От его тона по моей спине пробегает холодок. Ресторан «Лось» находится как минимум в сорока минутах езды отсюда. Парадная дверь со стуком захлопывается, и эхо разносится по деревянному дому. Через несколько секунд я слы-

шу рокот заведенного «Харлея» Грэйнджера, а потом рев его мотоцикла на гравийной дорожке, исчезающий вдалеке на мокрой, извилистой проселочной дороге.

Я упираюсь руками в кухонную столешницу и опускаю голову, стараясь выровнять дыхание. Но у меня начинается мигрень. В душе я знаю, почему он никогда не рассказывал мне о Люке. Я понимаю, почему. Потому что если бы я знала, что Люк О'Лири находится при смерти, то отправилась бы повидать его. Как я могла не сделать этого?

Истории не заканчиваются. Анаис Нин³ написала эти слова.

Ясно, что история Лиины Раи еще не закончилась. Я внушила себе ложную мысль, что мы пришли к какому-то завершению. Но этого не произошло. Мы всего лишь похоронили этот случай во времени, где он много лет пребывал в спячке и безмолвии, а теперь Тринити откопала его, и свежие победы начали появляться, разворачиваться и тянуться к свету.

Если город воспитывает ребенка, может ли город убить его? Были ли жители Твин-Фоллс причастны – пусть даже самым незначительным образом – к смерти Лиины Раи?

Я выхожу из кухни и направляюсь к двери подвала. Немного медлю возле двери и со скрипом открываю ее. Включаю свет на вершине лестницы и начинаю осторожно

³ Анаис Нин (полное имя – Анхела Анаис Хуана Антолина Роса Эдельмира Нин-и-Кульмель, 1903–1977) – франко-кубинская писательница и литературный критик (прим. пер.).

спускаться. Внизу я включаю лампочку без абажура, свисающую на проводе. Она качается, и тени начинают колыхаться по углам. Они выпрыгивают и отступают у меня за спиной, пока я пробираюсь к стальному стеллажу у дальней стены. Сырой запах плесени наполняет мои ноздри. Потревоженные пылинки плавают в воздухе.

Я смахиваю паутину со складских коробок на полках, проверяю этикетки. Там находятся старые папки, полицейские записи, копии отчета об аутопсии Лиины Раи, стенограммы свидетельских показаний и бесед с Клэйтоном Пелли, дубликаты фотографий. Я сохранила их, потому что это дело накрыло меня с головой.

Я снимаю коробку с полки и отношу ее наверх, к себе в кабинет. Ставлю на стол и открываю крышку. Она отходит вместе с облачком пыли, от которой я начинаю кашлять. Документ, лежащий наверху, – это посмертный эпикриз.

Мои мысли погружаются в мутные глубины времени. Я медленно беру документ в руки.

Дело № 97–2749–33. Покойная женищина.

Рэйчел Тогда

Понедельник, 24 ноября 1997 года

Морг расположен в бетонных внутренностях большой городской больницы в Ванкувере. Покойников привозят сюда из других здравоохранительных учреждений в районе Большого Ванкувера, Солнечного Берега и «Коридора от моря до неба»⁴. Местный патологоанатом также производит вскрытие по запросам из Юкона и Британской Колумбии.

Я в перчатках и защитном халате, с медицинскими бахилами на обуви. Я нахожусь здесь, чтобы наблюдать, вести записи и приобщать к уликам все, что будет обнаружено на теле. Рядом со мной в таком же облачении стоит сержант Люк О'Лири, детектив из отдела убийств в Канадской конной полиции. Рэймонд Дойл, глава отдела полиции Твин-Фоллс, обратился в RMCP⁵ за содействием в расследовании убийства. Это высокий статус, привлекающий неустанное внимание национальных СМИ. Репортеры требуют знать, кто и как

⁴ «Коридор от моря до неба» – регион в Британской Колумбии, простирающийся от залива Подкова через Уистлер до долины Пембертон (*прим. пер.*).

⁵ RMCP – Канадская королевская конная полиция (*прим. пер.*).

убил девочку-подростка. Где-то бродит маньяк-убийца. Наше общество боится за молодых женщин. А полицейский отдел в Твин-Фоллс совсем крошечный. У нас скудные ресурсы и ограниченный опыт в расследовании убийств. С сержантом О'Лири у нас появились техники-криминалисты из RMCР, их лаборатории и другие эксперты и сотрудники, которых мы можем затребовать.

Люк – дородный, мрачноватый офицер с соломенными волосами и ярко-голубыми глазами. Ветеран уголовных расследований, начинавший службу как сотрудник К9. По пути в Ванкувер он рассказал мне, что до сих пор отправляется добровольцем с поисково-спасательными группами в провинции, помогая инструкторам обучать поисковых собак. Полагаю, Люку немногим более тридцати лет. Здешний патологоанатом – доктор Хана Бекманн, седовласая женщина, давно преодолевшая порог пенсионного возраста. Ей помогают лаборант-препаратор и студентка медицинского колледжа. Такер присутствует для фотосъемки.

Лиина лежит на металлическом столе перед нами. Она обнажена, если не считать лифчика и дешевого топики, все еще обмотанного вокруг шеи, как в то время, когда мы нашли ее. Стойка поддерживает ее голову. Ее лицо разбито и изрезано до неузнаваемости. Мои внутренности завязываются в узел, зубы непроизвольно сжимаются. Я не присутствовала на вскрытии после окончания полицейской академии. Мне нужно пережить это, не избавившись от завтрака. Я должна

сделать это ради Лиины.

Ради ее родителей.

Ради Ганеша, младшего брата Лиины, и ради ее старшего кузена Дарша, который обожал ее. Ради ее любящих дяди и тети, которые профинансировали переезд родителей Лиины из Индии пятнадцать лет назад. Я должна сделать это ради детей из средней школы Твин-Фоллс. Ради их учителей. Ради моего города. Ради моей собственной карьеры, если я собираюсь следовать по стопам моего отца и доказать, что в будущем я смогу возглавить городской отдел полиции, как он и ожидал от меня.

Ради моей дочери, которой сейчас столько же лет, как и этой истерзанной девочке, лежащей на анатомическом столе в морге.

– С вами все в порядке? – тихо спрашивает Люк. Я киваю, не глядя на него.

Мрачное настроение ощутимо давит на нас, такое же безрадостное, как и серая ноябрьская погода на улице. Доктор Бекманн совершает внешний осмотр, передавая свои действия на звукозаписывающее устройство, установленное у нее над головой.

– Дело № 97–2749–33, – произносит она хриплым голосом курильщицы. – Покойная женского пола, южноазиатской внешности. Рост пять футов шесть дюймов. Вес 182 фунта.

Вот во что превратилась Лиина.

Порядковый номер. Покойная. Низведенная до описания внешности, параметров роста и веса.

– Очевидно, покойная подверглась жестокому избиению, – продолжает Бекманн. – Наиболее явные следы на лицевой части черепа. Синяки, шишки, резанные раны образуют почти сплошную маску, вплоть до черепной кости... Нос выглядит сломанным. Кожные покровы запачканы землей и каменной крошкой.

Далее патологоанатом изучает нежную кожу на внутренней поверхности рук Лиины. Ее прикосновения кажутся почти ласковыми.

– Следы от уколов отсутствуют. Нет явных признаков употребления наркотиков. – Срабатывает вспышка фотокамеры. – Внешняя сторона рук частично ободрана.

– Защитные травмы? – спрашивает Люк.

– Вполне возможно, – отвечает Бекманн, – она осматривает кисти и пальцы рук. – Сломанные и сорванные ногти, – ее внимание переключается на остальную часть тела. – Внешние признаки каких-либо болезней отсутствуют. Девушка выглядит здоровой.

Очередная вспышка камеры. Я замечаю, что у Такера дрожат руки. Его лоб блестит от пота. Я ощущаю запах его стресса, несмотря на густые слои формальдегида и дезинфицирующей жидкости в холодном помещении.

Тем не менее руки доктора Бекманн остаются твердыми, а лицо спокойным. Это уважаемый специалист в своей об-

ласти. Во время поездки из Твин-Фоллс Люк рассказал мне, что доктор Бекманн приобрела опыт исследования колотых ранений, изучая проколы при обработке свиной шкуры. Она научилась определять признаки утопления, изучая легкие утонувших кошек. Параллели с тем, как серийный убийца может осваивать и совершенствовать свое ремесло на мелких животных, не ускользают от меня. Пока Люк рассказывал мне об этом, он смотрел на меня и улыбался. И я поняла, что, несмотря на суровый вид и устрашающий опыт, сержант О'Лири был славным парнем и добродушно пытался успокоить меня перед вскрытием. Сначала это немного помогло, а потом нет. Мне была ненавистна мысль о том, что я для него – открытая книга, раз он может так легко читать мое расстройство и дает понять, что мне еще далеко до настоящего профессионализма.

– Тело не повреждено, – хрипловатым голосом заключает доктор. – Но кожа на ладонях и пятках начинает облезать. – Еще одна вспышка камеры. – По моей оценке, она провела около недели в холодной воде.

Я откашливаюсь.

– Значит, скорее всего, она попала в реку вскоре после вечеринки у костра четырнадцатого ноября, когда ее видели в последний раз?

Доктор Бекманн оглядывается на меня.

– Или ранним утром пятнадцатого ноября. Это согласуется с первичным внешним обследованием.

Из-под ногтей Лиины берут соскобы, потом берут ряд мазков изо рта и вагинальной области. С помощью ассистента патологоанатом снимает лифчик Лиины и разрезает топик, завязанный вокруг горла. То и другое отправляется в пакеты для улик, которые мне нужно будет заверить своей подписью. Эти вещи отправятся в криминалистическую лабораторию RMCP.

– Кровотечение из носа. Хм-мм... Хм-мм... – Патологоанатом смотрит через увеличительное стекло. – Похоже на термический ожог на внутренней стороне левой ноздри. – Она наклоняется ближе. – И круглая красная отметина в центре лба. Сделана чем-то горячим.

Вспышка фотокамеры.

– Вроде зажженной сигареты? – спрашивает Люк.

Я смотрю на него.

– Я видел такое раньше, – тихо объясняет он. – Обычно на внутренней стороне рук. К сожалению, чаще всего у детей.

Доктор Бекманн кивает.

– Травмы соответствуют ожогам от сигарет.

– Кто-то ткнул сигаретой ей в лоб? – спрашиваю я.

– И, возможно, в ноздрю, – Бекманн указывает пальцем.

В морге воцаряется тишина. Мне становится тошно.

Врач берет пинцет и начинает извлекать мусор из ранок и ссадин на лбу и щеках Лиины.

– Мелкие камешки, грязь, сосновые иглы... и кусочки коры. Волокнистая кора.

Она кладет вынутые кусочки в металлическую кювету, принесенную ассистентом.

– Техники-криминалисты нашли кровь у подножия кедра, растущего под мостом Дьявола с северной стороны, – говорю я. – Это может быть кедровая кора?

– Скоро узнаем, после сравнения образцов и группы крови, – говорит Люк, чье внимание приковано к телу.

– Синяки вдоль ключичной кости, – говорит доктор Бекманн, продолжая внешний осмотр. – Крупный синяк с левой стороны гортани. Судя по всему, нанесен рубящим ударом ребра ладони, как в карате. Красные отметины на обеих плечах... Необычная симметрия, почти круговая хватка с каждой стороны. – Патологоанатом открывает рот Лиины. – Зубы стиснуты, язык прокушен.

Я впадаю в легкий транс, когда начинается осмотр на признаки изнасилования.

– Свидетельства генитальной травмы – вагинальные разрывы.

Я мысленно возвращаюсь к своей дочери. Гнев стискивает горло.

– Значит... она подверглась изнасилованию?

– Внешние признаки соответствуют грубому совокуплению незадолго до смерти.

– Сперма? – спрашивает Люк.

– Лабораторный анализ мазков покажет больше, – отвечает врач. – Но если она неделю пробыла в воде, а убийца

пользовался презервативом...

– Могло ничего не остаться, – заключает Люк.

Доктор Бекманн просит своего ассистента перевернуть тело.

– Обширные области ударных травм на спине покойной. Рисунок синяков похож на следы от туфель или ботинок, как будто ее топтали ногами. – Она измеряет синяк. Срабатывает вспышка. – Одиннадцать дюймов.

Такер обходит стол для лучшего обзора и делает новый снимок. Гнев сосредотачивается в раскаленной добела точке в центре моего лба. Моя кожа становится горячей и липкой на ощупь, несмотря на холод в морге.

– У нее роскошные волосы, темные и длинные, – тихо говорит доктор Бекманн, на мгновение сбросившая маску клинической бесстрастности. Трещинка в ее профессиональной броне, внезапный проблеск нежности едва не добивает меня. Я держу рот на замке, пытаюсь скрыть мои чувства, когда ассистент-препаратор начинает срезать длинные пряди. Волосы тихо отделяются от черепа Лиины. Перед моим мысленным взором ее волосы плавают, как рассыпчатый бархат в темной воде среди водорослей. Офелия в тростниках, среди мертвых рыб.

– Ага, что у нас тут? – доктор наклоняется ближе с увеличительным стеклом. Она подзывает Такера и указывает на серебристую блестку.

– Запуталась в волосах... – Она вытаскивает какую-то

подвеску на разорванной цепочке. Поднимает ее пинцетом, выставляя на обозрение. Это медальон.

Кровь отливает у меня от головы.

Медальон размером с четвертак. Фиолетовый камешек в центре, в оправе из филигранного серебра.

– Похоже на кристалл аметиста, – говорит Люк и наклоняется, чтобы рассмотреть находку. – Серебряная резьба вокруг камня выполнена в форме переплетенных кельтских крестов. – Он смотрит на меня. – У моей матери была почти такая же подвеска. Она приобрела ее в Ирландии. По ее словам, такие безделушки продаются во многих туристических лавках. Кельтский узел якобы обозначает бесконечность, преемственность или, в случае моей мамы, Святую Троицу. Она была ревностной католичкой.

Какой-то момент я не могу дышать. Мой пульс резко учащается. Я откашливаюсь.

– Родители Лиины не упоминали этот медальон при описании того, что носила их дочь, когда подали заявление о ее пропаже.

– Такое бывает, – говорит Люк. – Родители думают, будто они знают о своих детях больше, чем на самом деле. Например, известно ли вам, какие украшения ваша дочь носит сегодня?

Я отрываю взгляд от начисто обритого черепа Лиины и тихо отвечаю:

– Нет.

Доктор Бекманн опускает медальон в маленькую металлическую кювету в форме человеческой почки.

– На затылке тоже имеется явный отпечаток обутой ноги, – продолжает она. – Такой же размер и рисунок протектора, как и на спине. Пинок в голову.

У меня возникает чувство отрешенности от тела.

Лиину просвечивают под рентгеновским аппаратом. Исследование не выявляет переломов и смещенных костей, кроме сломанного носа.

Доктор готовит скальпель. Мой мозг устремляется в темные тоннели, пытаюсь избежать вида острого клинка, врезающегося в плоть.

Я вспоминаю темно-карие, измученные глаза Пратимы. Я вижу плотно сжатые челюсти Джасвиндера и его сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, когда я рассказывала ему, как мы обнаружили его дочь в реке.

У-образный надрез от одной плечевой кости до другой сопровождается глубоким разрезом до пупка. Они вскрывают Лиину и вынимают ее грудную клетку. Ребра отходят одним пластом.

– Значительные травматические повреждения печени и поджелудочной железы, – констатирует доктор Бекманн. – Слои брюшной стенки жестко травмированы в ряде мест.

У меня начинается клаустрофобия. Зрение меркнет, слова доктора сливаются в неясный гул.

– Раздавленные органы... отделение жировой ткани от

мышечной ткани... наиболее значительные повреждения в области торса... признаки внутреннего кровотечения в грудной клетке и нижней части брюшины... повреждения таза, желудка, поджелудочной железы... брыжейка оторвана. Брыжейка – это орган, прикрепляющий кишечник к внутренней части брюшной стенки у людей, – поясняет доктор.

Я заставляю себя сосредоточиться.

– Это похоже на то, что я ожидала бы увидеть при жесткой компрессионной травме организма, – тихо говорит она. – Такое часто случается с жертвами автомобильных катастроф. Эта девочка прошла через ад. Ее как будто вытащили из остатков автомобиля, который упал с моста.

Сердце Лиины извлекают и взвешивают, потом делают то же самое с ее мозгом.

– Мозг сильно распух. Обширное внутреннее кровоизлияние травматического характера. Ударная травма, достаточная для потери сознания.

Легкие тоже извлекают наружу и взвешивают.

– При внутреннем исследовании легких отмечается белая пенистая жидкость, – говорит доктор Бекманн. – Это согласуется со смертью в результате утопления.

Доктор пристальнее вглядывается в ее легкие. Потом замирает и тихо говорит:

– Там какие-то мелкие частицы, скрытые в пене... – Она достает четыре маленьких камешка. Они с легким звяканьем падают из пинцета в металлическую ванночку. Потом она на-

ходит еще пять камешков и опускает их туда же. Смотрит на нас через очки с полукруглыми стеклами.

— Вероятнее всего, эти мелкие камешки попали ей в легкие во время агональных вздохов. — Она делает паузу и смотрит на нас. — Она пыталась делать последние вдохи, когда ее прижали лицом к речному ложу, усеянному песком и камешками. Эти круглые отметины на плечах... они могли остаться от коленей. Кто-то удерживал ее, упираясь коленями в ее плечи.

— Ее утопили, — говорю я. — Кто-то оседлал ее, уперся коленями в ее плечи и удерживал голову под водой, пока она глотала камешки.

— Смерть от утопления будет моим заключением в отчете о вскрытии, — говорит доктор. — Но если бы покойная не оказалась в воде, это, скорее всего, были бы ударные травмы и мозговое кровоизлияние, которые в любом случае привели бы к ее смерти. — Она колеблется и снова утрачивает профессиональную бесстрастность. — Кто бы это ни сделал... это настоящее чудовище.

Рэйчел Сейчас

Четверг, 18 ноября. Наши дни

Я закрываю отчет об аутопсии от доктора Ханы Бекманн, но то утро в морге продолжает жить в моей памяти. Во второй половине того дня тело Лиины было передано родственникам, но на полный анализ и составление финального отчета ушло еще две недели. Я кладу папку на стол и гляжу на часы. Грэйнджер еще не вернулся и не позвонил, чтобы сказать, когда вернется. Я раздосадовала его. А он, в свою очередь, привел меня в изрядное раздражение. Ему следовало понимать, что лучше не скрывать от меня разные вещи, особенно в связи с этим делом. А после прослушивания первого эпизода подкаста мне уже не удастся запихнуть этого джина обратно в бутылку.

Сиплый голос Клэя врывается в мои мысли.

Я не убивал ее... Кто бы это ни сделал, ее убийца до сих пор на свободе.

У меня почти нет сомнений, что Клэй затеял какую-то извращенную игру с Тринити, но я не могу избавиться от более темного подсознательного беспокойства, гложащего ме-

ня изнутри. Что, если он говорил правду? Что, если мы совершили ошибку и что-то упустили?

Я достаю из коробки несколько папок с дырчатыми пластиковыми файлами, где содержатся копии наших бесед с учениками, друзьями, родителями, учителями, членами семьи и другими свидетелями. В этих папках также хранятся протоколы наших допросов Пелли, расшифровка его признания, фотографии улики, копии лабораторных отчетов и нескольких страниц из дневника Лиины, плюс мои собственные блокноты и заметки Люка.

Я разложила их на столе и попыталась упорядочить, но потом остановилась, когда увидела фотографию, которую родители Лиины передали в полицейский отдел Твин-Фоллс, когда впервые сообщили о пропаже своей дочери.

Я подняла ее и посмотрела на лицо мертвой девушки. Мои мысли вернулись к тому дню, когда мы с Люком вышли из морга под моросящий дождь и поехали в Твин-Фоллс, чтобы сообщить родителям Лиины, как умерла их дочь.

Та же самая обрамленная фотография Лиины стояла на каминной полке в скромном доме Джасвиндера и Пратимы Раи.

Я кладу фотографию на стол и беру другую. Шестеро школьников от четырнадцати до пятнадцати лет обнимают друг друга, смеются и улыбаются. Снимок выглядит профессионально и не является частью полицейских улик, но я добавила его сюда. За девочками пылает большой костер. Я

вижу сторающие старые лыжи; языки пламени выбрасывают оранжевые искры в бархатно-черное небо. Их лица озарены золотистыми отблесками костра. На заднем плане теснятся силуэты лесных крон.

Я смотрю на образ, запечатленный во времени. Надежды юности буквально лучатся и сияют вокруг них. Той ночью, вскоре после этого снимка, Лиина исчезла. Та ночь изменила все. Когда я смотрю внимательнее, холодные нити шевелятся в груди и поднимаются выше. Тогда я осторожно откладываю фотографию в сторону.

Я опустошаю коробку до дна и нахожу то, что искала. Медальон. Он до сих пор лежит в пакетике для сбора улик, который в итоге оказался на самом дне. Я беру пакетик, открываю его и вытряхиваю медальон на ладонь. Он прохладный и странно тяжелый. Разорванная цепочка свисает у меня между пальцами. Темно-бордовый кристалл мерцает в свете лампы.

Это аметист, фиолетовая разновидность кварца. Предполагается, что он обеспечивает духовную защиту. Также говорят, что он очищает энергию владельца от темных сил, создавая вокруг тела энергетическое защитное поле.

Он не защитил Лиину.

И этот медальон является единственной вещью Лиины, которую ее родители не захотели взять обратно.

Тринити

Наше время

Пятница, 10 ноября. Наши дни

Я выхожу из тюрьмы, едва сдерживая дрожь волнения. Джио ждет меня в автофургоне. Он видит, как поспешно я направляюсь через автостоянку к автомобилю, и выходит мне навстречу. У него обеспокоенный вид.

– Все нормально? – спрашивает он.

– Проклятие, мы сорвали куш! Мы сорвали большой куш... – Мои мысли путаются от волнения, тело готово взорваться от эмоциональной накачки.

– Что случилось? – По его лицу пробегает тень замешательства.

– Садись за руль. Расскажу по дороге в Твин-Фоллс. – Я берусь за ручку двери с пассажирской стороны.

Джио медлит, потом забирается на место водителя и заводит двигатель. Я пристегиваюсь, откидываю голову на подголовник и начинаю смеяться.

– Господи, Трин, давай уже, наконец!

Я встречаюсь с его взглядом. Кажется, Джио думает, что я слетела с катушек, но он не понимает, как много это значит

для меня. Я еще даже не начала объяснять себе суть происходящего.

– Клэйтон Джей Пелли сказал, что он *не* насиловал, *не* избивал и *не* утопил Лиину Раи.

– Что?

– Он сказал, что убийца до сих пор на свободе.

Он смотрит на меня и тупо моргает.

– Пелли это сказал?

– Да.

– Под запись?

– Да.

– Что за х..., – он ненадолго замолкает. – Ты веришь ему?

– Это не имеет значения, Джо! Разве ты не понимаешь? Это именно та зацепка, которая нам нужна. Он выдает нам на блюдечке целый сериал. Это больше не история о подлинном преступлении, о том, почему славный школьный учитель сотворил такое со своей ученицей. Это становится нерешенным уголовным делом, положенным на полку.

– Но если он лжет...

– Как я и сказала, это не имеет значения. Это наша начальная предпосылка. Я могу поставить вопрос: лжет ли он сейчас или лгал тогда, когда во всем признался? Если он говорит правду, то в чем была ошибка следствия много лет назад? Почему он признался? Может быть, его принудили к этому? Было ли это настоящим признанием? И почему он признал свою вину перед судьей? Почему он так долго мол-

чал? И почему он заговорил сейчас, после стольких лет?

– Но если сейчас он лжет...

– Вот именно, за что цепляются люди: лжет ли он сейчас, или ведущие следователи решили подставить его? Или просто не разобрались в деле. – Я улыбаюсь. – Мы будем разыгрывать детектив в реальном времени, и слушатели присоединятся к нам. Как и они, мы не будем знать развязку. Выдача информации по мере ее поступления – это новое слово в криминальной журналистике.

– А Пелли будет дергать за ниточки.

Я смеюсь.

– Это тоже не имеет значения, верно? Если он разыгрывает нас, то это часть представления. Мы получили карт-бланш, Джо. Все очень просто.

Его губы медленно растягиваются в улыбке, глаза задорно блестят. Он выглядит оживленно, даже сексуально. Я как будто прикоснулась к нему электрическим проводом радостного предвкушения, и теперь моя энергия лучится в его взгляде и пульсирует в его теле. Он зеркально отражает мои чувства и посылает их обратно. Какую-то крошечную долю секунды я испытываю влечение к нему, но быстро убираю это в холодный погреб, где хранится большинство моих подлинных чувств. Джо – настоящий эмпат. Когда я впадаю в уныние, он эхом откликается на мое состояние. Но это слишком тяжелая работа, слишком большая ответственность. Хотя я догадываюсь, что он любит меня, мне нечего предло-

жить ему в ответ, поскольку такие отношения не пошли бы мне на пользу. Я нутром чую такие вещи. И я получила су-ровые жизненные уроки. Но Джо – самый лучший продюсер, с которым я могла надеяться на совместную работу, и он все сделает для меня, поэтому я держу его поближе к себе.

– Давай, поехали, – говорю я. – А по дороге я включу тебе аудиозапись.

Джо разворачивает автофургон. Мы выезжаем с авто-стоянки и вливаемся в поток транспорта. Когда вездесущий дождь Северо-Западного побережья начинает забрызгивать ветровое стекло, Джо включает стеклоочистители.

Я подключаю диктофон к аудиосистеме автомобиля, и мы слушаем в молчании, пока он ведет машину.

Джо еще долго молчит после окончания интервью. Последние слова Клэйтона и его смех продолжают звучать у нас в голове. Когда мы въезжаем в Ванкувер, меня охватывает недоброе предчувствие. А когда мы приближаемся к Твин-Фоллс, появляется нечто иное – может быть, шепоток страха. Это страх перед неизвестностью, но он может оказаться полезным. Я *должна* бояться, но работать, несмотря ни на что. Предположительно, это моя жизненная мантра.

– Он сделал это, – говорит Джо, будто думая вслух. – Он должен был это сделать. Абсурдно думать, что это не так. Мы видели протоколы допросов, фотографии улик, результаты криминалистической экспертизы. Все складывается. Накопленные свидетельства соответствуют его признанию.

– Вот только не все складывается. – Я поворачиваюсь на сиденье. – Остаются свободные нити, вопросы без ответов.

– Только потому, что он признался. Зачем продолжать расследование, если... ну, если решение предложено на блюде? Плохой парень сказал, что он это сделал, а потом описал копам, как он это сделал, шаг за шагом.

– Тем не менее его история о куртке звучит... нескладно. И медальон. Загадки, которые так и не были решены. Большая часть дневника Лиины так и не была найдена. Почему были вырваны страницы? И даже если *он* это сделал, убийство было таким жестоким, настолько безумным в своей ярости, что трудно представить некогда добродушного человека, доведенного до подобной крайности. Это выглядит как будто... как будто его довели до этого. Могли быть и другие люди.

– О, теперь ты рассуждаешь в духе сенсуализма⁶.

Я широко улыбаюсь и откидываюсь на спинку сиденья.

– Возможно, и так. Он – это отличный материал для подкаста.

Мы проезжаем через мост. Под нами в серо-стальной воде бухты Буррард медленно ползут танкеры. Еще один час езды с многочисленными изгибами и поворотами над водами бухты, и мы будем в Твин-Фоллс. После всех исследований я хочу лично побывать там. Я постараюсь найти как мож-

⁶ Сенсуализм – направление в теории познания, согласно которому ощущения и восприятия – основная и главная форма достоверного познания (*прим. авт.*).

но больше людей, причастных к тому делу, и побеседовать с ними. Время от времени мы будем возвращаться в тюрьму и задавать новые вопросы Клэйтону Пелли. И мы будем выпускать новые эпизоды.

Я мысленно тестирую идеи сценариев для разных эпизодов. После первого сеанса с Клэйтоном у нас в запасе есть предыдущая беседа с одним из полицейских-ныряльщиков, которые обнаружили тело. Мы провели это интервью в Торонто, прежде чем полетели на запад. Возможно, я начну с находки тела, а потом вернусь к вопросу: кем была Лиина Раи?

Рэйчел Тогда

Понедельник, 24 ноября 1997 года

– Мою... мою дочь изнасиловали? – Джасвиндер Раи едва может произнести эти слова, но потребность знать перевешивает его страх перед знанием. Они с Пратимой сидят напротив меня на диване с цветочным узором. Люк примостился на маленьком стуле справа от меня; при своих мощных габаритах он выглядел бы комично, если бы не ужасные новости, с которыми мы пришли. Я чувствую, как он поглядывает на меня. Время только перевалило за полдень, но мы устали. По крайней мере, я устала. Мы рано встали и после морга сразу же направились сюда, чтобы лично сообщить причину смерти дочери Раи.

– Да, есть признаки половой агрессии, – тихо говорю я.

– Что значит *признаки*? – спрашивает Пратима. Ее голос прерывается; она дрожит всем телом, так что шифоновый шарф у нее на голове трепещет над щеками.

– Некоторые... – я откашливаюсь, – ...некоторые вагинальные разрывы, указывающие на грубое совокупление.

Пратима закрывает рот ладонью. В ее глазах блестят сле-

зы. Муж кладет руку ей на колено. Его глаза, угольно-черные и свирепые под красным тюрбаном, впиваются в меня. Его лицо искажается от еле сдерживаемой ярости.

– А после этого нападения ее избили дубинкой, ногами и утопили в реке?

– Мы еще не установили точную последовательность, но да, причиной смерти является утопление. Мне очень жаль.

– Значит... это и было мотивом нападения? – спрашивает Джасвиндер. – Изнасилование?

– Сейчас мы прорабатываем эту предпосылку, – говорю я. – С учетом времени суток и того факта, что Лиина была одна и беззащитна, есть вероятность, что преступление было совершено под влиянием момента. Ваша дочь могла оказаться в неподходящем месте и в неподходящее время.

– Но почему, почему? – причитает Пратима. – Почему *моя* Лиина... как кто-то мог *сделать* это?

Она начинает раскачиваться взад-вперед. В ее горле зарождается стонущий звук животного страдания. Мое собственное тело инстинктивно отзывается на эту материнскую реакцию. Я не знаю, что бы я сделала, если бы это была моя девочка, моя Мэдди. Я гляжу на обрамленные фотографии, расставленные на каминной полке. Семейные снимки. Прелестная фотография Ганеша, шестилетнего брата Лиины. А вот и сама Лиина, смотрит в камеру с воинственным выражением. Цвет ее лица темнее, чем у родителей. Ее черные глаза близко посажены по обе стороны крупного носа, кото-

рый занимает доминирующее положение. Родинка на подбородке.

Пратима следует за моим взглядом. Слезы безмолвно стекают по ее щекам, и я чувствую ее невысказанные слова.

Мы должны были лучше следить за ней, быть более строгими и осторожными.

Я ощущаю внезапный прилив вины за свое облегчение, что это не моя дочь лежит в морге. Потому что это с такой же вероятностью могло произойти с Мэдди. Или с любой из местных девочек.

Я снова откашливаюсь.

– Ничего, если мы зададим вам несколько вопросов? Это поможет нашему расследованию.

– Вы *найдете* того, кто это сделал, – говорит Джасвиндер. Это не вопрос. Я встречаюсь с его свирепым взглядом.

– Да, найдем. Я обещаю.

Люк ерзает на стуле, и я ощущаю его немой укор. Он бы не стал давать обещание, если бы не знал точно, что может сдержать слово. Но что еще я могу сказать этим родителям?

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы он получил по заслугам, – говорю я и достаю две фотографии из папки, лежащей у меня на коленях. Я кладу их на кофейный столик и поворачиваю к супругам Раи.

Это глянцевого снимки заляпанных илом рабочих брюк и трусиков, которые ныряльщики нашли рядом с телом.

Мать Лиины придушенно всхлипывает и кивает.

– Да, это вещи Лиины. Трусики... «Фрут оф зе Лум». Куплены в «Уолмарте». Они... они продаются в упаковках по три штуки. Я... – ее голос срывается на рыдание.

– Да, – говорит Джасвиндер, взявший инициативу на себя. – А эти камуфляжные брюки, – Лиина почти постоянно носила их. Ей нравились боковые карманы с клапанами.

– Вы можете описать, какая куртка была на Лиине, когда вы последний раз видели вашу дочь?

Мы еще не нашли ее куртку, о которой говорили все, кто видел Лиину у костра. Дайверы не нашли ее в реке, а криминалисты и поисковые группы ничего не обнаружили на берегах Вайакана.

– Это была большая куртка цвета хаки, – говорит Джасвиндер. – Судя по всему, приобретена на распродаже излишков военного имущества. Множество молний и карманов, какое-то цифровое обозначение на переднем кармане. Эта куртка не принадлежала Лиине. Когда я спросил об этом, она ответила, что одолжила ее.

– У кого?

– Она сказала, что у друга, – говорит Пратима и протягивает руку за гигиеническими салфетками.

– Мужская куртка?

– Я бы сказала, что это определенно мужская куртка, – говорит Пратима. – Она была слишком велика для нее, а Лиина не... не была тщедушной девочкой. Она все время сидела на диете, хотела похудеть. Она... она так гордилась, что

сбросила вес... – По щекам Пратимы снова текут слезы, и она утирает их салфеткой.

– У Лиины был ухажер? – спрашиваю я.

– Нет, – немедленно и твердо отвечает Джасвиндер.

Я продолжаю смотреть на него.

– Возможно, какой-то мальчик, которым она интересовалась?

– Нет.

Я киваю.

– Мы нашли в воде рядом с Лииной страницы из дневника и маленькую алфавитную записную книжку, лежавшую в левом набедренном кармане штанов. – Я выкладываю на стол новые фотографии с изображением мокрых страниц и рисунков в записной книжке, в открытом и закрытом виде. Книжка узкая, в голубой пластиковой обложке. – Все было влажным, как и страницы дневника, но в лаборатории работают над просушкой, чтобы сохранить как можно больше записей и чернильных рисунков.

Ее мать наклоняется вперед и берет фотографию со страницами из дневника.

– Да, это почерк Лиины. – Она передает снимок мужу и тянется к фотографии записной книжки.

– Это не ее вещь. Я никогда не видела такой книжки.

– Вы уверены? – спрашивает Люк.

Она кивает.

– Есть мысли, кому она может принадлежать? – спраши-

ваю я.

В глазах Пратимы появляется странное выражение. Она колеблется, потом качает головой.

– Нет.

– Там есть телефонные номера некоторых детей из класса Лиины, – говорю я.

– Это не ее книжка.

Какой-то момент я смотрю на Пратиму. Она что-то скрывает. Я гляжу на Джасвиндера: его взгляд прикован ко мне. За родительским горем я ощущаю растущую напряженность. Мне становится любопытно.

– Вы уже опознали ключ, найденный в ее рюкзаке, – говорю я. – Ее бумажник и кроссовки «Найк». У вас есть какие-то идеи, кому может принадлежать книга стихов или что значат инициалы А. К.?

– Нет, – отвечает Джасвиндер. – Но Лиина одалживала книги. Она изучала английскую художественную литературу на уровне выпускного класса. У нее был репетитор. Иногда он давал ей книги, как и другие учителя из школы.

– И ее кузен Дарш, – добавляет Пратима. – Он одалживает ей книги.

– Только не поэзию, – возражает Джасвиндер. – Дарш не читает стихи, он любит популярные романы.

– Он еще отдал Лиине эти кроссовки «Найк», – говорит Пратима. Ее нижняя губа дрожит. – Она... Лиина так хотела их иметь, но они дорогие, понимаете? И он преподнес ей

сюрприз на день рождения.

– Дарш и Лиина были близки? – спрашивает Люк.

Пратима кивает, ее глаза вновь наполняются слезами.

– Он был очень добр к ней. Лиина... плохо ладила со своими одноклассниками, но Дарш всегда был готов помочь. Когда она убежала из дома в прошлом году, то отправилась к нему. Он приютил ее на несколько дней. Сообщил нам без ее ведома, что с ней все хорошо и нам нужно ненадолго оставить ее в покое, пока она не вернется домой.

Передо мной разворачивается воспоминание. Лиина одиноко сидела на трибуне в школьном спортзале и ела картофельные чипсы из пакета, пока другие девочки из баскетбольной команды заканчивали тренировку. Я приехала пораньше, чтобы забрать Мэдди. Когда я поднялась на трибуну, чтобы подождать рядом с Лииной, группа детей прошла мимо по пути в раздевалку. Они обсуждали Лиину – достаточно громко, чтобы она могла слышать их.

– Если бы она не попыталась так глупо заблокировать меня, то не упала бы и не вывихнула лодыжку. Она сама виновата... Даже не знаю, почему ее взяли в команду.

– Может быть, тренер пожалел ее.

– Жаль деточку? Наверное, ей нужно попробовать танец живота.

Смех.

– Эта неуклюжая корова скоро переломает себе ноги.

– А ее отец еще и обвинит меня, что я заблокировала ее!

– Эй, он же с...ный водитель автобуса. Что он может сделать? Подать в суд?

– Он страшный. Ты видела его глаза? Готова поспорить, он прячет в тюрбане ихний кривой нож...

Смешки и хихиканье сопровождали девочек, выходявших из спортзала. Двери медленно закрылись.

Я посмотрела на Лиину с сильно бьющимся сердцем. Она молча хрустит картофельными чипсами и смотрит прямо перед собой, словно в блаженном забвении.

– Ты в порядке, Лиина?

Она кивает, не глядя на меня. Я замечаю темный синяк у нее на запястье, другой на предплечье.

– Ты упала?

Она удивленно косится на меня.

– Я... просто поскользнулась и растянула лодыжку. Ничего страшного. Тренер сказал, что мне нужно немного по-сидеть.

– А как насчет синяков? Ты тоже получила их на тренировке?

– Позавчера поскользнулась на льду.

Нельзя получить кольцевой синяк на запястье от падения на лед. Я открываю рот, чтобы задать следующий вопрос, когда Мэдди подбегает к нам, скрипя кроссовками по деревянному полу. Болтающийся конский хвостик, румяные щеки, сплошные улыбки, объятия и просьбы поспешить в городскую библиотеку, пока она не закрылась. Завтра утром ей

нужно сдать школьный проект.

Я позабыла о том разговоре в спортзале. О Лиине, сидевшей на пустой трибуне и жевавшей картофельные чипсы. До сих пор. Пока не оказалась в этом скромном и опрятном доме, вместе со сломленными горем родителями. И я глубоко сожалею, что тогда не отреагировала на расистские шуточки и хулиганские нотки. Такие вещи изолируют человека от общества, делают его уязвимым. В результате он чувствует себя одиноким. У него нет группы поддержки. Возможно, именно поэтому Лиина оказалась одна на мосту Дьявола.

И внезапно я понимаю, что ошибалась. То, что случилось с Лииной, было гораздо менее вероятно для девушки вроде Мэдди, окруженной близкими друзьями.

Я провожу ладонью по губам.

– Вы... у вас есть представление, где может находиться остальная часть дневника Лиины?

– Нет, – голос Пратимы снова ломается. – Лиина всегда что-то писала. Она хотела стать писательницей, когда закончит школу. Она хотела путешествовать. Возможно, даже стать зарубежной корреспонденткой. Можете снова посмотреть в ее комнате.

– Спасибо, мы попробуем. – Я колеблюсь, ощущая на себе взгляд Люка. Он хочет, чтобы мы закончили показ фотографий. Я набираю в грудь побольше воздуха.

– Еще мы нашли... вот это. – Я кладу на стол фотографию кельтского медальона. – Он запутался в волосах Лиины, це-

почка была порвана.

Оба смотрят на фотографию. Джасвиндер медленно качает головой.

– Я не видел, чтобы она носила это.

Я поворачиваюсь к Пратиме. Она выглядит почти испуганной.

– Я... я этого раньше не видела.

– Вы *уверены*?

– Это не ее вещь. – Пратима отодвигает колени в сторону от ее мужа и смотрит в пол.

– Возможно, вы не замечали медальон у нее под одеждой? – нажимаю я.

Молчание.

Пратима потирает бедро, не поднимая взгляда. Я мысленно беру на заметку вернуться к этому немного позже, но тут вмешивается Люк. Он жестко стучит пальцем по снимку медальона.

– Эти филигранные узоры на серебре выполнены в форме кельтских узлов, – говорит он. – Бесконечные узлы. Считается, что кельтский узел символизирует любовь или нескончаемую преданность. Некоторые христиане рассматривают их как символ Святой Троицы...

– Только не Лиина, – резко и внезапно перебивает ее отец. Люк замолкает и пристально смотрит на них.

Глаза Джасвиндера мечут молнии.

– Она не стала бы носить ничего подобного, – он взмахи-

вает рукой в сторону фотографии. – Это не ее вещь.

Я быстро переглядываюсь с Люком, но его лицо остается бесстрастным.

– Почему... зачем кому-то делать это? – снова причитает Пратима. – *Зачем, зачем, зачем?*

– Иногда люди творят ужасные вещи, Пратима, – говорю я. – Иногда мы не можем до конца понять, какая тьма движет человеком. Но я обещаю: мы сделаем все возможное, чтобы найти и арестовать ее убийцу. А когда мы найдем его, то, возможно, узнаем причину.

Я поворачиваюсь к Люку.

– Я пойду наверх с Пратимой и еще раз осмотрю комнату Лиины.

Я собираюсь отделить ее от мужа.

Он удерживает мой взгляд и кивает.

Рэйчел Тогда

Понедельник, 24 ноября 1997 года

Пратима наблюдает за мной из дверного проема, ведущего в комнату ее дочери. Я остро сознаю, что топчу ботинками палевый ковер. Протокол полицейской работы не предусматривает возможности снимать уличную обувь в жилых помещениях. За окном спальни виднеется белесое зимнее небо. Скоро стемнеет. Это темнота такого рода, которая наползает все раньше и раньше с каждым днем до зимнего солнцестояния и погружает нас в самую длинную ночь года.

На туалетном столике Лиины лежат две глянцевиые брошюры с рекламой волонтерской работы в африканской миссии. Я вспоминаю о фотографии, найденной в ее бумажнике, о суде благотворительной организации.

Ясно, что Лиина хотела вырваться из этого города.

– Эти миссионерские суда находятся под управлением христианской организации? – спрашиваю я и беру брошюру.

Пратима защитным жестом складывает руки на груди.

– Вера не имела для Лиины никакого значения. Это было лишь средство, чтобы убраться подальше отсюда. Она хотела

творить добро, помогать несчастным людям. Она...

Голос Пратимы прерывается. Я молча смотрю на нее.

– Лиина хотела оказаться там, где ее будут ценить, – с трудом продолжает она. – Мы... все мы хотим, чтобы нас ценили по достоинству, правда? Чтобы нас любили, чтобы мы чувствовали себя частью общего. Если у нас нет ощущения принадлежности, что мы можем назвать своим домом? В конце концов, это простой инстинкт выживания: если тебя выгоняют из группы или из стада, ты умираешь.

Я гляжу на Пратиму и на мгновение задаюсь вопросом, не говорит ли она о самой себе. О своем иммигрантском опыте. Я гадаю, испытывает ли эта страдающая мать еще и другую боль, которую я даже пока не могу осознать. Я гадаю, может ли она свободно говорить со своим мужем. Насколько она одинока?

– Пратима, отца Лиины беспокоило, что его дочь интересуется работой в христианской миссии?

– Джасвиндер – ревностный поборник сикхизма. Он очень строго обходился с Лииной. Она проходила через период, когда отвергала разные вещи просто ради того, чтобы досадить ему. Она восставала против его контроля. Она отстранялась от всего, что было связано с ее культурными корнями. Она... она просто очень старалась вписаться в школьную компанию.

– Типичный подросток, – мягко говорю я.

Она возмущенно смотрит на меня. Чувство вины подни-

мается в моей груди, и я отворачиваюсь к туалетному столику. Рядом с брошюрами стоит корзиночка с ювелирными украшениями и другими безделушками. Я смотрю на них и достаю несколько предметов. Кольца, браслет, сережки, ожерелье с маленькой подвеской. Мать Лиины входит в комнату и останавливается у меня за спиной. Она понижает голос.

– Снимок медальона с кельтскими узлами, который вы нам показали... мне нужно кое-что вам рассказать.

Мое сердце бьется быстрее. Вот оно. То, что она скрывала от своего мужа внизу, то, что вызвало ее смущение.

– Это то же самое, что и губная помада, которую вы нашли, – говорит она. – А может быть, даже книга стихов и записная книжка.

– Что именно?

– Она... – Пратима судорожно вздыхает. – Наша Лиина имела привычку брать вещи.

– Что значит «брать вещи»?

– Она крала вещи или одалживала их без разрешения. Джасвиндер запретил Лине покупать любую косметику, поэтому она брала макияж у других девочек. Вроде как... коллекционировала вещи, – Пратима колеблется. – Менеджер нашего универсама позвонил нам несколько месяцев назад... чтобы мы пришли и забрали Лиину. Он хотел поговорить с нами. Она украла румяна и тени для век. Она пообещала, что это больше не повторится, поэтому он не стал выдвигать обвинений или сообщать в полицию. – Ее щеки

покрываются густым румянцем. – Не знаю, остановилась ли она на этом. Думаю, эта губная помада, записная книжка и томик стихов принадлежат другим ученикам. И медальон тоже.

Как ни странно, я испытываю облегчение.

– Вы *уверены*?

– Нет. Но я думала, вам нужно знать, что эти вещи могут принадлежать другим девочкам.

– Это очень полезные сведения, Пратима. Спасибо за вашу откровенность. – Я делаю паузу. – Скажите... вы не помните других друзей Лиины, носивших этот кельтский медальон, или другой, похожий на него?

Она смотрит на меня. Время как будто растягивается. Ветер снаружи скребет ветвями дерева по оконному стеклу. Я физически ощущаю перемену погоды, падение температуры. Приближается шторм.

– Вы не понимаете, Рэйчел? У Лиины не было друзей в школе.

Ее слова повисают в воздухе. Я снова вспоминаю тот день в школьном спортзале.

– Как насчет этих фотографий, приколотых к пробковой доске?

Я подхожу ближе к доске, повешенной на стене. Я видела эти фотографии, когда в прошлый раз была здесь, когда Лиина Раи еще была объявлена пропавшей без вести. Здесь, на желтых кнопках, развешаны фотографии ее одноклассниц,

сделанные как в школе, так и за ее пределами. Я узнаю многие лица, включая собственную дочь и ее лучшую подругу Бет. Некоторые лица обведены красным фломастером.

– Разве они не были ее подругами? Иначе зачем она повесила здесь эти фотографии?

– Думаю, она хотела, чтобы эти люди стали ее подругами. Это что-то... вроде визуализации. Она делала вид, будто все хорошо.

– Почему некоторые лица обведены красным?

Пратима молчит. Я смотрю на нее.

Она снова глубоко вздыхает.

– Не знаю. Я знаю только, что Лиина хотела быть похожей на определенных девочек. Ей хотелось стать своей среди них.

Я хмурюсь и вглядываюсь в лица, обведенные красным. Бет. Мэджи. Чейенна. Эми. Сима. Самые популярные девочки.

В Твин-Фоллс есть только одна начальная школа и одна средняя школа. По одному классу на каждый год обучения. Большинство местных детей, которые познакомились еще в детском саду, вместе переходят из одного класса в следующий. Все ходят друг к другу на дни рождения, совершают покупки в одних и тех же магазинах. Посещают одни и те же спортивные и общественные мероприятия. Такова природа маленьких городов. Я так понимаю, что если ты не вписываешься в компанию сверстников или испытываешь одиноче-

ство, особенно если тебя недолюбливают, то ты оказываешься в аду. Потому что у тебя нет выхода.

Я облизываю губы и говорю:

– Как вы думаете, кто-нибудь из детей на этих фотографиях был хотя бы чуточку ближе к Лиине, чем остальные? Кто-нибудь, кто мог бы помочь нам выяснить, что с ней произошло с тех пор, как ее последний раз видели у костра?

– Если и был такой человек, она не рассказывала мне об этом. – Большие, темные глаза Пратимы влажно блестят. – Мы думаем, что бережем детей, когда велим им, что нужно делать, когда стараемся контролировать их. Мы думаем, что если занять их спортом, то они не попадут в беду. Но мы ошибаемся.

Внезапно я замечаю маленькую темноволосую голову, выглядывающую из-за двери. Это Ганеш. Глаза шестилетнего ребенка широко распахнуты. Он смотрит, слушает и учится.

Его мать разворачивается посмотреть, что привлекло мое внимание.

– Ганеш! Иди отсюда! – Она властно машет рукой. – Убейся. Как ты можешь стоять и подслушивать?

Мальчик с легким топотом убегает по коридору. Я слышу, как хлопает дверь. Пратима опускается на кровать своей дочери и закрывает лицо ладонями. Она снова начинает плакать.

Когда мы Люком идем на пронизывающем ветру к нашему немаркированному автомобилю, я ощущаю, что за нами наблюдают, и оглядываюсь на дом. Наверху у освещенного мансардного окна видна маленькая тень. Снова Ганеш, играет в сыщика. Когда я смотрю на него, меня охватывает печаль. О чем думает этот мальчик? Что он услышал из нашего разговора? Что он понял о смерти старшей сестры – о событии, которое навсегда изменит его?

Я поднимаю руку, чтобы помахать ему, но он исчезает. Люк молча смотрит на меня с другой стороны автомобиля. Я опускаю руку и забираюсь на место водителя. Пристегиваюсь, не глядя на Люка, и завожу двигатель. Когда мы выезжаем на дорогу, ведущую к дому Эми Чан, начинается дождь. Эта девочка сообщила о том, что видела Лиину на мосту Дьявола в два часа ночи 15 ноября.

– Пока ты была наверху, позвонили из лаборатории, – говорит Люк. – Они высушили страницы дневника. Почерк можно разобрать. Они высылают копии в участок.

Я напряженно киваю.

– Лиина крала вещи. Пратима думает, что она «одолжила» у других детей записную книжку, томик стихов, медальон и губную помаду. Однажды она украла косметику в магазине.

– Значит, вот что Пратима скрывала от своего мужа внизу?

– Похоже на то.

Я поворачиваю на бульвар, который ведет в гору, где находится фешенебельный квартал города. Мы направляемся к Смоук-Блаффс – гранитному выступу, на котором стоит дом Чанов, похожий на свадебный торт с колоннами, в окружении таких же нарядных домов.

– Этот медальон – довольно распространенная безделушка, верно? – Я кошусь на Люка. – Он мог принадлежать кому угодно.

– Мы снова соберем детей для расспросов, – говорит он.

– А у тебя есть дети?

– До этого так и не дошло. А потом наш брак распался, и было уже слишком поздно.

Я снова кошусь на него.

– Ты в разводе?

– Женат на работе. – Он смеется. – Так было всегда; это профессиональный риск, особенно если работаешь в отделе убийств. Понятно, что моей бывшей надоело быть второй скрипкой в оркестре. В конце концов, это был любовный развод, если так можно говорить о подобных вещах.

Дождь неожиданно превращается в ливень. Осенний муссон. Потоки воды струятся по крутой дороге, и ветровое стекло затягивает мутной пеленой, несмотря на работающие «дворники». Как правило, неизменные осенние муссо-

ны воспринимаются как фоновый шум в моей жизни. Сегодня все выглядит по-другому. Дождевые капли разбрызгиваются по стеклу с такой упрямой настойчивостью, как будто хотят что-то сказать.

Я думаю об утратах. О ежедневных провалах, которые мы оставляем за собой. Кроссовка Лиины, ее окровавленный носок. Ее мокрый рюкзак и книжка стихов, застрявшая между валунами на речном берегу. Плавающие в воде страницы дневника. У этой девочки были свои планы и мечты. Теперь ничего не осталось.

– Этот Дарш Раи, ты его знаешь? – спрашивает Люк, когда сворачиваю на улицу, ведущую к дому Чанов.

– Да. Симпатичный парень двадцати лет или чуть постарше. Работает на целлюлозном заводе по другую сторону бухты. Никогда не имел неприятностей с полицией. Судя по отзывам, весьма приятный человек. Всегда аккуратно одет, питает страсть к реставрации старых автомобилей. Девушки роятся вокруг него.

– Нам нужно поговорить с этим богоданным кузеном Даршем. – Люк смотрит на часы. – Мы нанесем ему визит сегодня вечером, после беседы с Эми Чан. Пока не распространились слухи о смерти Лиины.

Как и дождь, сегодня Люк отличается какой-то упрямой настойчивостью. Я его понимаю. На первом этапе расследования убийства время имеет первостепенное значение, а мы уже отстаем от графика.

– Еще что-то не так с ее отцом, – добавляет он. – Нужно проверить его биографию.

– Что не так с Джасвиндером? – удивленно спрашиваю я.

– Хм-мм...

Я сворачиваю на подъездную дорожку.

– Джасвиндер может казаться чересчур властным и грубоватым, но он хороший человек, Люк. А сейчас ему больно. Черт побери, не знаю, что бы стало *со мной*, если бы кто-то сотворил такое с моим ребенком. Он работает в местной транспортной компании на регулярном автобусном маршруте. Все его коллеги могут подтвердить, что он славный и достойный человек. – Я останавливаю автомобиль и вспоминаю синяки на теле Лиины. – Ты же не думаешь, что он имел какое-то отношение к смерти своей дочери?

Он пристально смотрит мне в лицо и тихо говорит:

– Ты лично знаешь их всех, Рэйчел. Всех главных игроков. Именно поэтому шеф Дойл хотел, чтобы я был в команде как внешний наблюдатель. Трудно сохранять объективность, когда ты долго живешь в таком маленьком городе. Поэтому RMCP каждые пять лет переводит сотрудников в новые места – чтобы они не оказались слишком заинтересованными и не утратили объективность. И хотя я не думаю, что Джасвиндер Раи каким-то образом причастен к случившемуся, нельзя исключать ничего. Статистически женщины чаще всего страдают от насилия со стороны тех, кого они хорошо знают. А здесь что-то не так, и я чувствую это.

Тринити

Наше время

Суббота, 11 ноября. Наши дни

Мы с Джо сидим бок о бок за маленьким обеденным столом в номере мотеля, который мы сняли до завершения нашего проекта. Мотель находится в промышленной части города недалеко от того места, где в 1997 находился старый полицейский участок Твин-Фоллс. Отсюда открывается вид на гранитные стены Чиф-Маунтин – горы, напоминающей мне Эль-Капитан в национальном парке Йосемити и хорошо известной в местном сообществе скалолазов. Чиф-Маунтин также является одной из констант этой истории: он возвышается над городом, словно безмолвный страж. За долгие годы он видел все, но остается безмолвным. Бдительным и неприступным в холодной ночи.

Я впервые увидела Чиф-Маунтин на старой газетной фотографии Клэйтона Джея Пелли, улыбавшегося на фоне грохочущего двойного водопада.

Мы с Джо слушаем и одновременно микшируем аудиозапись интервью с полицейским ныряльщиком Томом Танаккой. Теперь Том работает в полиции провинции Онтарио. Он

переехал на восток, когда женился на уроженке Торонто.

Том: Когда мы подтянули тело Лиины к берегу, сержант Рэйчел Уолкзек велела нам вернуться под воду и посмотреть, нет ли там чего-нибудь еще.

Тринити: Например?

Том: Например, списанной со склада армейской куртки, в которой жертву видели последний раз. Или оружие, которое могло быть использовано для избиения жертвы. Ее лицо было обезображено. Когда мы перевернули тело... несколько секунд все потрясенно молчали.

Тринити: Не могли бы вы взять нас в то время и подробно описать, что вы видели под водой в то ноябрьское утро?

Я мысленно улыбаюсь и протягиваю руку за куском пиццы. Мне нравится напряжение в голосе Тома Танаки. Честно говоря, я понимаю, что отвратительно предлагать подробное описание находки трупа, неделю проплававшего в мутной воде, но это «настоящее преступление».

Это спектакль – театрализованное убийство, за которым приходят слушатели. И я до сих пор вне себя от волнения, поскольку Клэйтон Пелли заявил о своей невиновности. Я жую пиццу и слушаю Тома, думая о своих впечатлениях от первой встречи с Клэйтоном и о том, как что-то во мне изменилось, когда история развернулась в неожиданном направлении.

Том: Вода была ледяной, видимость почти нулевая. Иногда я даже не мог разглядеть свои руки перед лицом. Мы ныряли практически вслепую, осторожно продвигались вперед дюйм за дюймом, ощупывая пальцами все, что попадалось на пути: илистые стебли тростника, камни, кусочки металла, старые жестянки, разбитые бутылки, магазинные тележки, ржавые велосипеды... Оставалось лишь надеяться, что мы не порежемся об острые предметы. Мы очень хотели найти девушку, но в то же время боялись этого. Пока я плавал и смотрел, меня преследовал страх, что я внезапно увижу ее лицо перед собой, столкнусь с ней, прежде чем пойму это. Что ее открытые глаза будут смотреть прямо на меня. Бледная кожа, призрачно сияющая в темной воде... Невозможно избавиться от этого беспокойства, этого напряжения... А потом я на самом деле прикоснулся к ней. Кончиками пальцев. Ее длинные волосы колыхались вокруг головы и лезли мне в лицо, забиваясь под защитные очки. На ней ничего не было, кроме лифчика и сорочки, перекрученной на шее.

Молчание.

Тринити: Как вы решили, где нужно начинать подводные поиски?

Том: Мы решили, что если она попала в реку под мостом, где были обнаружены ее вещи, то она не могла уплыть далеко. Лиина была тяжелее, чем средняя утопленница, поэтому, при ширине реки около двадцати пяти футов и медленном

течении, мы рассудили, что река не могла унести ее в море. В целом, если ныряльщик может легко плыть против течения, маловероятно, что утопленник продвинется на значительное расстояние. Поэтому поиски обычно начинаются от того места, где жертву видели в последний раз. Потом ты регулируешь давление, пока не приобретаешь отрицательную плавучесть, и просто висишь над дном, постепенно продвигаясь вперед. Мы нашли ее недалеко от опор моста. Она запуталась в морской траве.

Тринити: И вы нашли предметы ее одежды.

Том: Да. Камуфляжные штаны и трусики. Куртку так и не нашли. Когда сержант Уолкзек велела нам погрузиться еще раз, я думал, что мы можем найти бейсбольную биту, монтировку или что-нибудь тяжелое для нанесения таких ударов... Я хочу сказать... она выглядела так же, как жертвы аварий, которых мы находили под мостами в покоренных автомобилях.

Тринити: Патологоанатом говорил об этом.

Том: Ну да. Но поскольку мы искали оружие, то когда я увидел вырванные страницы из дневника, которые просто висели в воде и колыхались, как маленькие призраки... то сначала испугался. Когда мы подняли их на поверхность, страницы оказались практически целыми. Слова остались на месте. Шариковые чернила обычно водостойкие, и если бумага не слишком долго пробыла в воде, а вода была холодной, то написанное можно прочесть после сушки. Во вся-

ком случае, бо́льшую часть.

Тринити: Это были страницы из дневника?

Том: Да, они выглядели так, словно их вырвали из дневника.

Джио тихо подает музыкальную тему. Я снова откусываю пищу, слушаю и размышляю.

Тринити: Джасвиндер и Пратима Раи подтвердили, что это почерк их дочери. Они сказали, что Лиине нравилось писать и в будущем она хотела стать писательницей или зарубежным корреспондентом. Я получила копии вырванных страниц и другие вещественные доказательства по этому делу. И вот что написала сама Лиина:

Музыка звучит немного громче.

Тринити (читает): *«Мы проводим большую часть жизни, страшась нашей собственной Тени. Он сказал мне об этом. Он сказал, что Тень обитает глубоко внутри каждого из нас. Иногда, быстро покосившись вбок, мы можем уловить ее очертания. Но это пугает нас, и мы поспешно отворачиваемся. Мы не способны изучать то, что на самом деле составляет нашу первозданную сущность. И эта наша неспособность питает Тень. Она придает Тени ее силу. Она заставляет нас лгать — о том, чего мы хотим, о том, кто мы такие. Она воспламеняет наши страсти, будит самые темные желания. И чем могущественнее она становится, тем больше мы боимся ее и тем отчаяннее мы боремся,*

чтобы скрыть это чудовище внутри нас...

Не знаю, почему Он рассказывает мне все эти вещи. Возможно, это способ косвенно обратиться к его собственной Тени и вывести ее на свет. Но я правда считаю, что наши Тени плохие – его и моя. Большие, темные и очень опасные. Не думаю, что наши Тени нужно когда-либо выпускать наружу...»

Еще две страницы, явно вырванные из разных мест дневника, содержат сходные рассуждения. В одном месте Лиина написала:

«Он верит в меня. Это единственное, что помогает мне держаться. Благодаря ему я чувствую себя умной, ценной и настоящей, поэтому я люблю его. И он тоже любит меня».

В другом месте она написала:

«Он сказал, что мое желание уехать отсюда совершенно нормально, но мне нужны планы выхода, который больше, чем выход. Думаю, у меня есть такой...»

Вот последний отрывок, сохранившийся на вырванных страницах:

«Сегодня он познакомил меня с военным термином. ВГУ: взаимно гарантированное уничтожение. Когда две державы обладают ядерным оружием, способным полностью уничтожить другую сторону, это служит гарантией сдерживания. Он сказал мне, на что похожи настоящие тайны. Он имел в виду огромные, темные тайны. Вроде знания наших Теней и управления ими. Тайны, которые становятся ядер-

ным оружием, разнообразностью сдерживания. Когда каждая сторона хранит молчание из-за страха, пока это возможно. Пока оба не начинают действовать, и тогда происходит взрыв. Полное взаимное уничтожение».

Вот и все. Здесь страница оборвана посередине. Это все, что осталось от слов Лиины Раи. До сих пор. Потому что остальная часть дневника так и не была обнаружена.

Музыка становится громче.

Кем же был «он», которого любила Лиина? Был ли это человек, который оказался в тюрьме? Или же кто-то еще? Кто-то, более близкий к ней по возрасту? Может быть, он до сих пор живет в городе? Человек с Тенью, обладающий таким темным знанием, что оно убило Лиину за прикосновение к нему?

Почему вырванные страницы плавали в реке рядом с ее телом? Почему они вообще были вырваны?

И куда делся дневник?

Недостающие страницы. Оборванные нити. Слишком много вопросов остается без ответа. Вопросов, которые следователи оставили без внимания. Это тропа, по которой мы последуем.

Тематическая музыка стихает.

Я проглатываю разжеванный кусок пиццы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.